

ISSN 24

Журнал

№ 1-2, 2015

Российский колокол

Литературный журнал

Московская городская организация
Союза писателей России

Коллектив авторов
Российский колокол №1-2 2015
Серия «Журнал «Российский колокол» 2015», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17203459
Журнал «Российский колокол» №1-2 2015: Московская городская организация Союза писателей
России; Москва; 2015

Аннотация

Вот и вышел первый в этом году журнал «Российский колокол» № 1–2 2015 года. По сложившейся традиции, вас ждет увлекательное чтение.

Быть современным писателем нелегко! И это вовсе не из-за каких-то политических разногласий, конфликтов или других немаловажных, казалось бы, причин, а потому что быть современником своим читателям всегда сложно. Ведь у каждого свой взгляд, отличный, возможно, от мнения автора. И угодить ох как трудно! И даже очень талантливый современник, не пройдя испытания общественным мнением, может кануть в Лету.

Но эти слова не о наших авторах. Вы найдете продолжения уже полюбившихся вам произведений, а также встретитесь со знакомыми вам авторами.

Алексей Морозов подарит вам чудеснейшую безысходность, а Саша Кругосветов поразит своим мастерством литератора. Порадуют дебютанты. В разделе «Литература молодых» вы встретитесь с начинающим, но очень перспективным автором Оксаной Оса, которая мастерски плетет кружево слов и поражает своими тонкими, как острие иглы, финалами.

Есть у нас и сюрприз: признанный поэт современности Владимир Андреевич Костров – доцент Литературного института имени А.М. Горького, а в прошлом заместитель главного редактора «Нового мира».

Если даже вы не прочитаете журнал на одном дыхании, то непременно будете возвращаться к нему снова и снова.

Современным автором быть нелегко, но не быть им еще сложнее.

Приятного чтения!

Содержание

Слово редактора	4
Современная поэзия	6
Владимир Костров	7
«Терпенье, люди русские, терпенье...»	8
Возвращение	8
«Не трогайте жанр...»	9
Иван, не помнящий родства	9
«Воробей, стучащий в крышу...»	10
Старый сюжет	10
Полковник	11
«В берёзовой серебряной купели...»	12
«Защити, приснодева Мария!..»	12
«Янтарная смола. Сосновое полено...»	13
Эхо войны	14
«До чего нестерпимо и жёстко подуло...»	14
Современная проза	16
Саша Круеосветов	16
Фуа-гра – сломанное крылышко	18
Алексей Морозов	36
Кризис	37
Юрий Никитин	44
День, когда мы будем вместе (окончание)	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Журнал «Российский колокол» № 1–2 2015

Слово редактора

*Юлия Поселеннова,
поэт, прозаик, публицист.*

Быть современным писателем нелегко

Дорогие друзья!

Вот и вышел первый в этом году журнал «Российский колокол» № 1–2 2015 года. По сложившейся традиции, вас ждет увлекательное чтение.

Быть современным писателем нелегко! И это вовсе не из-за каких-то политических разногласий, конфликтов или других немаловажных, казалось бы, причин, а потому что быть современником своим читателям всегда сложно. Ведь у каждого свой взгляд, отличный, возможно, от мнения автора. И угодить ох как трудно! И даже очень талантливый современник, не пройдя испытания общественным мнением, может кануть в Лету.

Но эти слова не о наших авторах. Вы найдете продолжения уже полюбившихся вам произведений, а также встретитесь со знакомыми вам авторами.

Алексей Морозов подарит вам чудеснейшую безысходность, а Саша Кругосветов поразит своим мастерством литератора. Порадуют дебютанты. В разделе «Литература молодых» вы встретитесь с начинающим, но очень перспективным автором Оксаной Оса, которая мастерски плетет кружево слов и поражает своими тонкими, как острие иглы, финалами.

Есть у нас и сюрприз: признанный поэт современности Владимир Андреевич Костров – доцент Литературного института имени А.М. Горького, а в прошлом заместитель главного редактора «Нового мира».

Если даже вы не прочитаете журнал на одном дыхании, то непременно будете возвращаться к нему снова и снова.

Современным автором быть нелегко, но не быть им еще сложнее.

Приятного чтения!

Юлия Поселеннова,

шеф-редактор журнала «Российский колокол».

Современная поэзия

Владимир Костров

Родился 21 сентября 1935 года в деревне Власиха (ныне Боговарского района Костромской области). По окончании школы поступил на химический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1967 году закончил Высшие литературные курсы. Член СП СССР с 1961 года. По свидетельству самого Владимира Кострова, в СП СССР он был принят вопреки правилам без предварительно изданной книги.

Первое стихотворение написал в четвёртом классе. В университете занимался в литобъединении, руководителем которого был поэт-фронтовик Николай Старшинов, ставший близким другом Владимира Кострова. После окончания МГУ в 1958–1960 годах работал инженером в отделе главного технолога на Загорском оптико-механическом заводе, ему принадлежит несколько изобретений. В 60-х годах был заведующим отделом в журнале «Техника – молодёжи», работал в журнале «Смена». С 1980 по 1986 год был секретарём Союза писателей Москвы, с 1986 по 1992 год – заместителем главного редактора журнала «Новый мир» (главным редактором в то время был Сергей Залыгин). В настоящее время – доцент Литературного института имени А.М. Горького.

Через окно убегала из дома ты.
Берег крутой. Да зеркальная влага близка.
Как нас с тобой привечали ветлужские омуты —
Тёмный провал, золотая полоска песка.
К небу бросая свою тесноту сарафанную,
Лодочку-туфельку срывая с ноги,
Ты уплывала дорожкой лунной обманною
В звёздную осыпь, в нечастые рыбы круги.
И возвращалась назад, молодая и смелая,
С тёмными змейками мокрых волос на висках,
Чтобы забиться, как рыба, могучая, белая,
В жадных моих, ошалелых от счастья руках.
Слышу плескание, вижу мерцание,

По берегам огоньки деревень,
Слышу коня одинокое ржание,
Шорох Ветлуги, наполненной всклень.
Ох, глубоки моей памяти тёмные омуты,
Годы и воды бегут чередой.
Если ко мне убежать соберёшься из дома ты,
Не поскользнись на росистой дорожке крутой!

«Терпенье, люди русские, терпенье...»

Терпенье, люди русские, терпенье:
Рассеется духовный полумрак,
Врачуются сердечные раненья...
Но это не рубцуются никак.
Никак не зарастает свежей плотью...
Летаю я на запад и восток,
А надо бы почаще ездить в Тотьму,
Чтоб положить к ногам его цветок.
Он жил вне быта, только русским словом.
Скитания, бездомье, нищета.
Он сладко пел. Но холодом медовым
Суровый век замкнул его уста.
Сумейте, люди добрые, сумейте
Запомнить реку, памятник над ней.
В кашне, в пальто, на каменной скамейке
Зовёт поэт звезду родных полей.
И потому, как видно, навсегда,
Но в памяти, чего ты с ней не делай,
Она восходит, Колина звезда:
Звезда полей во мгле заледенелой.

Возвращение

Как вступление к «Хаджи-Мурату»,
сторона моя репьем богата
(стойкий, чёрт, – попробуй, оторви!).
Да ещё грачами
да ручьями,
круглыми,
протяжными речами,
как ручьи, журчащими в крови...
Конский шар катну ботинком узким,
кто их знает, шведским ли, французским...
Дом родимый – глаз не оторвать!
Грустная и кроткая природа,

вот она —
стоит у огорода,
маленькая седенькая мать.
Рядом папа крутит папиросу.
Век тебя согнул, как знак вопроса,
и уже не разогнуть спины.
Здравствуй, тётка, божий одуванчик,
это я – ваш белобрысый мальчик.
Слава богу, слёзы солёны.
Вашими трудами, вашим хлебом
я живу между землёй и небом.
Мамочка, ты узнаёшь меня?
Я твой сын!
Я овощ с этой грядки.
Видишь – плачу, значит, всё в порядке:
если плачу, значит, это я.

«Не трогайте жанр...»

Не трогайте жанр,
Излучающий жар.
Поленья рассудка в пыланье напева.
Поверьте, проверьте: поэзия – шар,
Поедешь направо – приедешь налево.
В ней ясный неясен
И глупый неглуп.
В ней чувство и мысль —
Словно конь и подпруга.
Поверьте, проверьте: поэзия – куб
Той комнаты, где вы любили друг друга.
Простого кумира себе сотворю,
Слеза на щеке – вот её откровенье.
Поэзия – угол, я вам говорю,
Где редко, но мы преклоняем колени.

Иван, не помнящий родства

Не как фольклорная подробность,
Как вызов против естества,
Был в русской жизни
Страшный образ —
Иван, не помнящий родства.

Ни огонька,
Ни поля чести.

Ни проливного бубенца.
Ни доброй памяти,
Ни песни,
Ни матери
И ни отца.

Тут не увечье,
Не уродство,
Не тать – рука у топора,
А сердца вечное сиротство
И в светлом разуме дыра.

И в ближней стороне,
И в дальней,
В часы беды и торжества
Нет участи твоей печальней,
Иван, не помнящий родства.

«Воробей, стучащий в крышу...»

Воробей, стучащий в крышу,
дробный дождь в пустом корыте, —
говорите, я вас слышу,
я вас слышу, говорите.
Прежде чем я стану тенью,
остро, как переживание,
слышу, слышу свиристенье,
шебаршенье и шуршанье.
Эти травы, эти птицы
на закате и в зените,
милые твои ресницы,
я вас слышу, говорите.
Ничего не надо, кроме
общей радости и боли,
доброй песни в отчем доме,
свиста вьюги в чистом поле.
Мы уйдём, но не как тени,
в мир пернатых и растений,
в песни, шорохи и звуки.
Нас с тобой услышат внуки.

Старый сюжет

Опять Подмосковье красно от ранета.
Любимая,

это кончается лето.
Для сердца – отрада,
для глаза – награда.
Пора увяданья,
пора листопада.
А ты словно Ева на древней иконе,
и рдеет ранет на прозрачной ладони.
И нас не прогонят
из нашего сада.
Нас любит и помнит пора листопада.
Прощаясь, горит и ликует природа,
и сердце желает запретного плода.
И можно сгореть от любимого взгляда...
Такая хмельная пора листопада!
Мы встретились в мире какими судьбами?
Мы яблока вместе коснёмся губами.
Бессмертья не будет,
и рая не надо.
Гори, не сгорая, пора листопада!

Полковник

Ах, полковник!
Он сед и галантен,
и звенят ордена на груди!..
Только хочет он быть лейтенантом,
у которого всё впереди!
Молодым,
самым главным на свете,
когда в солнечных лёгких лучах
две малюсеньких звёздочки эти,
как слезинки, дрожат на плечах.
Стать зелёным,
как свежая ветка,
чтоб девчата на собственный страх
гренадёра двадцатого века
обнимали в глухих городках,
чтоб смущённо глядел новобранец
из рядов подравнявшихся рот
на густой лейтенантский румянец,
на припухший мальчишеский рот.
И вздыхает товарищ полковник,
и дрожит седина на висках,
и друзей вспоминает покойных
на российских
и прочих полях.
«Что стрельба по картонным фигурам

и учебные эти бои,
гарнизонные наши амуры,
дорогие ребята мои!
Мне приказ отдавать неохота,
замирает приказ на губах:
не хочу, чтобы грозное что-то
проступало в ребячьих чертах».
С песней!
С песней!
Идут они с песней.
Веселей, запевала, гуди!
Далеко нам, ребята,
до пенсий!
Хорошо,
всё ещё впереди!

«В берёзовой серебряной купели...»

В берёзовой серебряной купели
Ты отбелила волосы свои.
Ужели наши соловьи отпели
И нам остались только журавли?

Гляди: они сплотились у излуки,
Со всех болот их ветром намело.
И с криком искупленья и разлуки,
Гляди: они ложатся на крыло.

Гляди, гляди. Загадывай желанья,
Но времени вослед не прекословь.
Ах, эта горечь разочарованья
Ещё острее, чем первая любовь!

Клинком навывлет через сердце прямо
И к Гелиосу, к жёлтому венцу...
Банальная больная мелодрама
Подходит к неизбежному концу.

Гляди вослед размаху крыльев властных,
На нас двоих прошедшее деля.
И навсегда в зрачках твоих прекрасных
Останутся два серых журавля.

«Защити, приснодева Мария!..»

Защити, приснодева Мария!
Укажи мне дорогу, звезда!
Я распятое имя «Россия»
Не любил ещё так никогда.

На равнине пригорки горбами,
Перелески, ручьи, соловьи...
Хочешь, я отопрею губами
Изъязвлённые ноги твои.

На дорогах сплошные заторы,
Скарабей, воробей, муравей...
Словно Шейлок, пришли кредиторы
За трепещущей плотью твоей.

Оставляют последние силы,
Ничего не видать впереди,
Но распятое имя «Россия»,
Как набат, отдаётся в груди.

«Янтарная смола. Сосновое полено...»

Янтарная смола. Сосновое полено.
Грибной нечастый дождь
Да взгляды двух собак.
И сердце не болит
Так, как вчера болело.
И верить не велит,
Что всё идёт не так.
Как хорошо заснуть!
Как сладко просыпаться,
И время у печи томительно тянуть,
И медленно любить безлюдное пространство,
Не подгонять часы,
Не торопить минут.
И быть самим собой —
Не больше и не меньше,
И серебро воды в лицо себе плескать,
И сладко вспоминать глаза любимых женщин,
И угли ворошить,
И вьюшку задвигать.
Двух ласковых собак тушёнкой не обидеть,
И пить лесной настой, как свежее вино,
И записных вралей не слышать и не видеть,
А слушать только дождь
И видеть лес в окно.
У пруда силуэт давно знакомой цапли,

Которая взлетит немного погода.
Спасибо, вечный врач,
Мне прописавший капли
В прозрачных пузырьках
Нечастого дождя.

Эхо войны

Встану рано и пойду в поле.
Вот и солнышко встаёт – Божье око.
Только пусто без тебя, Коля.
Одиноко без тебя, одиноко.
Видишь: белая парит в небе чайка.
Тут к тебе бы постучаться в окошко.
Где-то тихая поёт балалайка,
С переборами играет гармошка.
Посмотрю на небеса – воля,
Глаз на землю опущу – доля,
Поднимаю у мостков кольца
И живу я без тебя, Коля.
По осоке я плыву и по лилиям,
Впереди чиста вода – суходоны.
И брусничная заря и малиновая
По-над домом, где тебя нету дома.
По заливику летят цепью утки,
На лугу любовно ржут кони.
Да чего там, и в Москве, в переулке,
Без тебя как без себя, Коля.
Горько, Коля, на Руси, очень горько.
Всё, что сеяли отцы – всё смололи.
Мне бы рядышком с тобой горку —
Всё тебе бы рассказал, Коля.

«До чего нестерпимо и жёстко подуло...»

До чего нестерпимо и жёстко подуло...
Мы дерёмся, как свиньи, у тощего бурта.
Не сложить ли в свирель автоматные дула,
Не сыграть ли мелодию русского бунта?

Под ракетным прицелом Америк и Азий
Смысл такой:
Чтоб тебя провели как мальчишку.
Усмехается в трубку усатый кавказец
И уже поднимает гранитную крышку.

Под мелодией дикой, душевнобольною,
Даже в общем названье одни опечатки.
Ну как явится снова, сверкая бронёю,
И пройдёт в сапогах
по морозной брусчатке.

Вновь пройдёт, загоняя в леса и карьеры,
По делам интендантов,
телам претендентов,
По префектам и мэрам, не знающим меры,
По всему прейскуранту
Страны Президентов.
И сменяя препоны, круша ограждения,
Как подлодки, имея расчётную дальность,
Из глубин подсознания
Всплывут привиденья,
Словно самая грозная наша реальность.

До чего нестерпимо и жёстко подуло.
Нас, как снежных людей, замечает метелью.
Не спясть ли опять окаянные дула
И назвать их последнею нашей свирелью?

Современная проза

Саша Круеосветов

Лев Яковлевич Лапкин (псевдоним Саша Кругосветов) – детский писатель, публицист, лауреат литературной премии «Алиса» имени Кира Булычева, сопредседатель Центрального офиса ИСП, координатор офиса ИСП в Санкт-Петербурге, лауреат премии «Серебряный Роскон – 2015» в номинации «Повести и рассказы».

Лев Лапкин не только поэт и прозаик, обладающий ярчайшим талантом, но и крайне разносторонний человек с интересной биографией.

Так, будучи студентом, он выступал в КВН, участвовал в агитбригадах. И в то же время в 27 лет стал кандидатом технических наук, а его графические работы представлялись на выставке художественного творчества молодых ученых Академии наук СССР.

В студенческие годы стал чемпионом Ленинграда по академической гребле. Более 35 лет занимался боевыми единоборствами. И такая увлечённость спортом ничуть не помешала Льву Лапкину написать три докторские диссертации, опубликовать более ста научных трудов в области математики и электроники и стать заслуженным изобретателем СССР, у которого 27 авторских свидетельств. Причём все его разработки были внедрены. А сам Лев

Яковлевич Лапкин руководил подразделениями, занимающимися исследованием и проектированием в области ракетостроения. Позднее руководил подразделением в Академии наук СССР. Был руководителем ряда опытно-конструкторских и научно-исследовательских работ и параллельно преподавал в Институте повышения квалификации руководящих работников.

В 1991 году Лапкин ушел из Академии в связи с закрытием направления. В настоящее время предприниматель, руководитель предприятия. Ветеран труда. Награжден медалью «За доблестный труд».

Главный герой многих произведений Льва Лапкина, или, точнее, Саши Кругосветова, поскольку именно под этим псевдонимом он выступает в печати, – капитан Александр, живший во второй половине XIX – начале XX века, который ходил на деревянных парусных кораблях и не изменял парусникам даже тогда, когда появились первые железные корабли с паровым двигателем.

Рассказы о приключениях капитана Александра у Кругосветова получают удивительно живыми и увлекательными, возможно, как раз потому, что сам автор много путешествовал и далеко не понаслышке знает о том, какими интересными могут быть далекие уголки нашей планеты и люди, живущие там.

Помимо детской литературы Саша Кругосветов известен также своей публицистикой, он написал три книги в жанре «нон-фикшн». В печати появились и рассказы для взрослой аудитории. Один из таких рассказов мы и предлагаем вашему вниманию.

Дипломы и премии:

- диплом победителя «Школы Букеровских лауреатов» по классу прозы (руководитель – В.В. Ерофеев) с вручением медали им. А.С. Грибоедова, Милан, 2012;
- дипломант Франкфуртской книжной ярмарки, 2012;
- дипломант Фестиваля славянской поэзии в Варшаве, 2012;
- дипломант Book Fair в Лондоне, 2013;
- победитель конкурса Продюсерского центра А. Гриценко при информационной поддержке МГО СПР, Союза писателей-переводчиков, Международного общества им. А.П. Чехова «Лучшая книга года» в номинации «Сатира. Пародия. Ирония. Юмор» за книгу «Остров Дадю», 2012 г.;
- победитель конкурса Продюсерского центра А. Гриценко при информационной поддержке Союза писателей-переводчиков, МГО СПР и Международного общества им. А.П. Чехова альманаха «Российский колокол» в номинации «Лучший писатель России», 2012 г.;
- победитель конкурса Продюсерского центра А. Гриценко при информационной поддержке Союза писателей-переводчиков, МГО СПР и Международного общества им. А.П. Чехова «Лучшее перо России» с вручением наградной статуэтки, 2012 г.;
- премия Интернационального Союза писателей, Литературной конференции по вопросам фантастики «Роскон», Крымского открытого фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг», Литературно-практической конференции «Басткон»: Гран-при с присуждением звания «лауреат литературной премии «Новое имя в фантастике» – в номинации «фантастика для детей»;
- лауреат премии «Алиса» имени Кира Булычева, 2014 г.

Книги:

- «Остров Дадю. Суеверная демократия». М.: Московская городская организация Союза писателей России. 2012 г.;
- «Большие дети моря» (+СД). М.: Интернациональный Союз писателей. Продюсерский центр Александра Гриценко. 2013 г.;
- «Архипелаг Блуждающих Огней». М.: Интернациональный Союз писателей. Продюсерский центр Александра Гриценко. 2013 г.;

- «Остров Дадо. Суеверная демократия». Электронная книга. М.: Московская городская организация Союза писателей России. 2013 г.;
- «Dado Island. The Superstitious Democracy». Электронная книга на английском языке. М.: Московская городская организация Союза писателей России. 2013 г.;
- «Сто лет в России». ИСП. 2014 г.;
- «А рыпаться все равно надо». ИСП. 2014 г.;
- «Живите в России». ИСП. 2014 г.;
- «Бывальщина и небывальщина». ИСП. Продюсерский центр Александра Гриценко. 2015 г.;
- «Киты и люди». ИСП. Продюсерский центр Александра Гриценко, серия «Сергей Лукьяненко представляет автора». 2015 г.

Фуа-гра – сломанное крылышко

Он говорит: «Бедный мой Дядюшка Виггили!» Это он про мою ногу. Так и сказал: «Бедный мой Дядюшка Виггили!..» Господи, до чего он был милый!

Д. Сэлинджер. «Дядюшка Виггили»¹

Настроение у Ани Бакшировой – из рук вон... Настроение... Какое, к черту настроение? – полный упадок. Паника. Депрессия – можно и так сказать... Сволочь какая! Тоже мне, цаца... Не лорд... Даже не англичанин. Ну, хорошо – не сакс, был бы хоть английским евреем, как Майкл Нордингтон, к примеру. Этот же – и того хуже, – простой ирландец, а туда же. Типа – «Я тебя люблю, но женитьба в мои планы не входит». Интересно, кто к кому снисходить должен? Настоящая белая женщина из России или этот, без роду и племени?..

Между прочим, я долго колебалась по поводу этого Джея Уорда. Конечно, он сумел... Добился высокого положения – исполнительный директор Ид-энд-Рэйвенскрофт, не хухры-мухры – королевские портные. Плюс – свои магазины ширпотреба в Лондоне. У нас, в Питере, тоже пошивочные мастерские открыли. И Модный дом на Невском. Сам принц Майкл Кентский им покровительствует. Кстати, в начале девяностых котиrowался как вероятный претендент на царский престол – мог стать императором Всея Руси; не стал... Но хорош! Жаль, не по зубам мне. Майкл Нордингтон – тоже видный мужчина. Элизабет, Элизабет, его жена... старая корова. А этого Джея взяли исполнительным директором из милости... Не англичанам же трудиться, конкретными делами заниматься. Хотя Нордингтон, конечно... Но тот втерся – президент компании, член самых престижных лондонских клубов. А Джея – конечно, из милости. Хотя особнячок у него в Эспоме – ничего себе. Веснушчатая рыжая бестия. «Анечка, Анечка, я все для тебя сделаю». Руки целовал, ноги целовал...

Год я кантовалась у него в этом провинциальном Эспоме. Как дура... Ходила с ним на скачки. Ездила на белые ночи в Финляндию. Прикол такой – ночью в гольф играть. Размечталась, ненормальная. Строила из себя хозяйку прислугу дрючила, с соседями «дружила»... «Русская устраивает приемы», «русская любит гостей». Провинциальные болваны. Ничего не знают, не видели, ничего ведь не видели и знать ничего не хотят. У них, мол, и так все лучшее. Английская литература – лучшая. «Наш Шекспир – его одного уже достаточно». Английская живопись – лучшая, английские лошади – самые лучшие! Английский королевский дом – идеал! Тоже мне идеал – дубоватый принц Чарльз, который даже во время фотосессии не стесняется залезть себе в штаны и пощупать, на месте ли его яйца. Из-за этой вони Англии... забросила... всех забросила... Там везде, даже на Трафальгарской пло-

¹ Старый хромой кролик Дядюшка Виггили Длинные Ушки – главный герой детских книг Говарда Гэриса, до сих пор любимых юными читателями США. Дядюшка Виггили страдал ревматизмом и поэтому ходил с костылем.

щади, пахнет конским навозом – что хорошего? Хуже жарчки, чем в Англии, трудно даже представить себе: жесткие – не прожевать – шницели с подгоревшими тостами, пережаренный бекон... Кофе и то делать не умеют. А знаменитый английский чай! Не случайно же... популярный анекдот: «Сэр, если это кофе, то я предпочел бы чай, если это чай, я предпочел бы кофе!» Кругом пивные бары – все стоят прямо в верхней мокрой одежде. Жуткий запах смеси пивных и человеческих испарений. Говорят, в Англии очень вежливые проститутки... мне-то какое дело? А театр? Один мюзикл – «Кэтс» или «Мизараблс», например, – крутят каждый день одно и то же по двадцать лет. И англичане ходят на эту жвачку...

А я... из-за этой вонючей Англии забросила своего верного Федичку... И Олю... Федя – ангел, Оля – конечно, не ангел, скорее – юная стерва. Но это же моя дочь. От детей не отказываются. Уехала на год, всех забросила.

Если просто прокатиться за рубеж, пожить в хороших отелях – у меня для этого Манфред есть, мужчина хоть куда. Неплохо покутили с ним во Франкфурте... И Миклош из Будапешта...

Всех бросила ради этого ничтожного Джея. Думала, стану, наконец, миссис Уорд, есть шанс попасть в высший свет. Ездить со своим водителем на приемы в Виндзор. А этот: «Извини, дорогая, женитьба не входит в мои планы»...

Конечно, я уже не девочка. Сорок пять – не двадцать пять. Но выгляжу ничего, очень даже ничего – стройная, белокожая... Подбородочек, правда, подкачал, чуть срезан, и носик великоват... Вот и складочка на животе... Да она у меня и в двадцать пять была. Уж всяко не хуже, чем их уродливые массивные англичанки. Белая женщина, настоящая белая женщина... Не просто – русская послушная Дуся... Это надо ценить... Каких кровей! – московская аристократия! Говорят, правда, что фамилия Бакшировых от «бакшиш» – выгода, но это вранье, злые языки болтают. Папа при советской власти... Он в министерстве работал. Даже замминистра замещал два месяца. Мы все – папа, мама, сестра Аллочка – только по распределителям, ведомственным магазинам, закрытым санаториям... И раньше, и теперь...

У этого Джея я быстро навела порядок в доме, прислуга его теперь по одной половине ходит. Прежняя жена Джея, пусть земля ей будет пухом, распустила челядь, особенно черных... Никакого уважения. Молчать нужно и слушать, когда хозяйка говорит... Отвечать только: «Есть, мэм!», «Что угодно, мэм?». А этот – «В мои планы не входит...» Наглость какая! Кто я такая, по его мнению? Наложница, приживалка, содержанка? Нашел дуру. Что я должна была делать? – собрала вещи и умотала. Если б еще он собой был хорош или особо богат. И в постели – ничего особенного... Хотя начиналось все очень романтично. Что же мне теперь делать? Не красавица. На горизонте – пятьдесят. Молодись, не молодись – вот-вот пятьдесят! Неужели жизнь в немытой России с тоскливым Федькой – теперь мой удел? Столько поставила на этого рыжего – и полный крах...

Аня, совсем раздетая, – в одних трусиках и туфлях на высоком каблуке – бродила с сигаретой по огромной спальне. Кольца и серьги остались в ванной. Паника, депрессия... Это еще не основание, чтобы не следить за собой. Замыла пятнышко на блузке, выщипала несколько волосков из бровей, восстановила привычную боевую раскраску – наблюдая со стороны, можно было бы предположить, что Анна собирается на важное свидание. Никуда она не собирается, не с кем ей теперь свидаться. Разве что с Федей... Но не для Феи навредила она марафет – для себя. Маленькой кисточкой нанесла розовый лак на ногти, аккуратно обводя лунки. Зазвенел телефон.

Ноготочки на правой руке уже подсохли. Аня завинтила крышку на бутылке с лаком, взяла телефонный аппарат правой, перенесла на край постели. Поставила рядом пепельницу с окурками и недокуренной сигаретой. Левую – со свеженанесенным лаком – держала в воздухе, растопырив белые пальчики. Чтобы не испачкать белую простыню. Телефон отчаянно

верещал, Аня правой взяла сигарету, не торопясь сделала две затяжки – не станет же она спешить из-за какого-то звонка! – только после этого сняла трубку.

– Ирка, это ты, что ли? Да, я, Аня, кто еще? Мы тыщу лет не виделись. Да, я уже вернулась. Год, год я там прожила. На берегах туманного Альбиона. Ну, не так чтобы не получилось... Можно сказать, не сложилось. Как с мужем встретишься?.. А как – нормально. Примчался в аэропорт, как бобик. Когда уезжала, тоже провожал. Сказала ему, что работа в Англии сложилась неплохо... Да он знает, мы же созванивались... И с ним, и с дочерью. Он деньги мне присылал. Сказала, что соскучилась по семье, по нему и все такое. Знает ли что-нибудь о Джее?.. Знает, конечно. Они знакомы. Я брала его на презентации Модного дома. И на встречи с принцем Майклом. Знает... но не в этом смысле... Догадывается?.. А черт его знает – какая мне разница? Молчит. Пусть только попробовал бы пикнуть, не посмеет даже заикнуться. Встретил, как обычно. С цветами. Сапоги снимал, ножки целовал, ничего нового... Тоска. Хорошо, что есть куда вернуться. Я тоже – очень хотелось бы повидаться, подруга. Вспомнить годы молодые... Приезжай. Нет, это не там, где... У меня есть своя квартира. Отдельно от Феде. Забыла, что ли? Ты была здесь пару раз. Да ты же знаешь, я до Англии занималась медицинским оборудованием. Ну, не до Англии, давно... Купи-продай. Вот и купила квартиру, обставила... Оля тоже в курсе, бывает здесь иногда, а Федя – ничего... Мало ли что, если домой позвонишь и на Федю нарвешься... Не проговоришься, подруга. Когда остаюсь здесь, Феде говорю, что в командировке. Ты ведь за рулем? Вот адрес, приезжай. Для чего квартира?.. Ну, мало ли для чего! Ты что, маленькая, что ли?.. Почему я должна все ему докладывать? В общем, давай, рули, я приготовлю завтрак...

* * *

Ира Гнатовна искала многоквартирный дом Анны до двух часов. Потом не могла найти подъезд, и Анне пришлось одеться и выйти ей навстречу. Ира объяснила, что ехала отлично – ни пробок, ни аварий, что она очень хорошо помнила дорогу, а потом запуталась, это когда свернула от Баррикадной.

– Не Баррикадная, а Беговая, пухлая ты моя малышка. Ты ведь уже здесь бывала...

Ира, мокрая, встрепанная, что-то невнятно пробормотала, бросилась назад к машине. Анна подняла воротник пальто из ламы, закурила и спокойно ожидала, повернувшись спиной к ветру. Подружка быстро вернулась, нервно вытирая бумажной салфеткой разгоряченное, потное, в красных пятнах лицо, но это ее почему-то не освежило. Аня со смехом сообщила, что завтрак сгорел к чертям собачьим – и омлет, и тосты с сыром – но оказалось, что Ира по пути уже перекусила в какой-то уж-ж-жасной шаверме.

– В шаурме... Что это ты, малышка, запела на питерский лад? Почему не на работе, у тебя выходной, что ли? – спросила Анна.

– Да нет, просто у моего шефа Леша Витчанина – помнишь такого олимпийского чемпиона? – у него абсцесс, и он сидит дома. Но вечером приедут шведы, и я должна вместо него провести переговоры.

– Ты же просто переводчица...

– Да, но я неплохо знаю дела по биатлонной ассоциации и могу заменить Лешу с его согласия. А что такое абсцесс, ты не знаешь?

Аня бросила сигарету в грязный снег и сказала, что вообще-то не знает, но Ире не стоит волноваться – это не заразное.

– Ах, вот как! – деланно откликнулась встрепанная Ира, и они поднялись на лифте в фор-бед-рум-квартиру Ани.

– Ничего-о-о себе! – удивленно пропела гостья, оказавшись в холле просторной, с огромными стеклянными стенами квартиры, взлетевшей на неимоверную высоту над новым

московским микрорайоном. – Прошлый раз я была здесь поздно вечером, все было закрыто шторами, и ничего такого не увидела.

Через полчаса они уже допивали первую порцию «адвоката». И говорили, говорили... Так, как умеют говорить подруги, которые вместе учились в Московском университете, много времени провели в одной компании, вместе путешествовали и многократно оказывались соседками в отелях Домбая, Чегета, Бакуриани, Пицунды, Гагр, Нового света и так далее, и так далее, и тому подобное.

Между ними установилась довольно прочная связь – многие важные события в их жизни происходили почти синхронно. В универ поступили в один год. Прилежная, старательная, приличная Ира, преодолев огромный конкурс, – на филфак, на самый востребованный английский. У Ани голова как часы, и бэкграунд – семья, манеры, связи – будь здоров, но учеба ее никогда не интересовала. Шустрая, нахальная тусовщица, с трудом перебивавшаяся в школе с троек на четверки, она попала, в конце концов, – не без вмешательства влиятельного папы, – на совершенно не престижный в те годы экономический факультет.

Потом их посетили первые любовные порывы. Аню отчислили со второго курса, через три недели после того, как ее застали в лифте общежития со студентом-физиком Женей Беленским, – что она могла там делать, в этом общежитии? Что она могла делать в лифте со смешливым, ясноглазым блондином, вертлявым Женечкой? Пришлось опять подключаться родителям – надо же пристроить девочку, и Аню вместе с ее тройками удалось запихнуть без потери курса в Институт стали и сплавов. Какая разница? «Где бы ни учиться, лишь бы не учиться!»

Ира тоже выбрала себе физика в качестве объекта обожания. Физики... Тогда модно было увлекаться физиками. Лёничка Славословский был, правда, не совсем физиком. Учился на компьютерщика в МИФИ. МИФИ – инженерно-физический; так что вполне можно было считать его «физиком» – не «лириком» же! Лёня, золотой московский мальчик, стройный, с гибкой талией, аккуратной стрижкой и холеными черными полосками усов. Мама – известная московская поэтесса, отчим – лучший поэт советского авангарда, отец – ученый, профессор, завкафедрой в том же МИФИ. Какой перспективный мальчик! – вздыхала Ирочка, придававшая огромное значение близости ее «красавчика» к социальным лифтам. Ира просто млела... Ах, этот Лёничка, умненький, хорошенький... С его перспективами будущей необыкновенной жизни на самой вершине социальной лестницы. Это был счастливый шанс... Но воспользоваться им не удалось. Не удалось благоразумненькой Ирочке добиться устойчивого расположения Леонида, не удалось пробиться в желанный круг «золотой» молодежи, не удалось почерпнуть житейских благ из источников, учрежденных и установленных для нужд советских небожителей. Довелось ли ей хотя бы почувствовать волнующую ласку холеных Лёничкиных ручек, удалось ли ей самой прикоснуться к мужским достоинствам «золотого» мальчика? Об этом история умалчивает. Факт тот, что продолжения не было, а может быть, и вообще ничего не было, однако остались какие-то воспоминания о сладких девичьих мечтах, предчувствиях и, возможно, еще кое о чем более конкретном...

Время шло – веселая московская жизнь, тусовки, поездки... Большая компания, где перемешались парни и девушки из Москвы и Ленинграда. Учились, работали, путешествовали, ездили в гости: москвичи – в Ленинград, ленинградцы – в Москву. Были и общие увлечения. К обоим подбивал клинья Вовка Легкоступов – красивый спортивный парень, трепач, выпивоха, любитель прокатиться на дармовщинку. Серьезная Ира с возмущением отвергла его притязания – у этого балабола не было ни денег, ни связей, ни перспектив. Кокетливая, разбитная Анечка тоже его всерьез не принимала, но отказалась ли она от соблазна так же, как консервативная Ирочка, этого нам теперь уже не узнать. Шутки, развлечения, дружеские вечеринки...

Кончилась счастливая студенческая пора. Девушки уже два года работают, пора бы уже остепениться, тем более, что замуж очень хочется... Аня спрашивает у подруг... Как так получается? Она, Аня, – живая, кокетливая, игривая, ну подумаешь – складочка на животе... А бегают все за Кирой Кетлинской – та даже усилий для этого не прилагает. За ней бегают толпами, а она, Кира, – ноль внимания! Почему за Кирой? У меня сиськи не хуже, а ноги – точно лучше...

Словом, настала пора обзаводиться семьей. С кого из них двоих начать свой рассказ? Начну с Ани, она лидирует в этой паре. И мозги на месте, и кругозор, и напор... Пышет паром, как начищенный ретропаровоз, напористая, неудержимая, словно современный локомотив. Аня присмотрела себе Федора из ленинградской компании. Скромный, из простой семьи, серьезный, трудолюбивый. Технар, аспирант, скоро защитится... Не красавец, конечно, но ничего себе... Даже Кетлинская к нему, похоже, интерес проявляет, абстрактный пока что... Надо вначале проверить в деле. Как мужчину. Хорошо ли будет исполнять супружеские обязанности – как без этого? Рванула в Ленинград... Проверила... В этом плане все подходит. Аня – быка за рога – и окрутила парнишку.

Значит так, Федя. Вы здесь сидите в Питере и ничего не понимаете. Как в том анекдоте: «Вы здесь сидите и ничего не знаете, а перчик – это просто писька! – заявил царской семье юный инфант». Кому нужна твоя наука? Ну, защитишься, получишь прибавку 100 рублей, будешь преподавать в институте... «Техника безопасности при использовании генераторов сверхвысокой частоты» – потрясно, суперувлекательно! Одно и то же до пенсии, а там состаришься и умрешь – блистательная перспектива! А вот я как раз могу позволить себе в аспирантуру поступить. Какая разница – по какой специальности? Куда пригласят, там и буду писать. Пойду, наверное, в Автодор, буду исследовать... Научные основы укладки дорожного полотна! Почему не защититься? Да я вдвое быстрее тебя напишу... Потому что мой муж – тюха-матюха. А я – умная, способная и ничего в голову не беру, вот у меня все и получается. Легко! Конечно, будем жить в Москве. Квартиру папа сделает. А тебе надо идти работать в Совмин. Распределители, блага, санатории, поездки за рубеж. Когда рядом с большими деньгами, – всегда согреешься. Ты теперь не должен думать о высоком и недостижимом. У тебя семья. Скоро у нас Оленька появится. Ты должен о семье думать. И не говори при людях: «булка», «парадное», «поребрик»... Сколько можно тебе повторять: «батон», «подъезд», «бордюр»! Я вчера просто со стыда сгорела. Гости-то пришли – не последние, между прочим, люди. Будто ты не муж Анны Бакшировой, а какая-то дубина стоеросовая...

Ире приглянулся симпатичный инженер Валерочка из их компании. Да что там «интересный» – просто красавец! Приличный, серьезный парень. Не рвался в заоблачные выси, ему просто нравилось заниматься электроникой. На Первом шарикоподшипниковом. Уютная, пухленькая Ира ему тоже показалась. Правда, остается вопрос: кто кого выбрал? Говорят, всегда выбирает женщина, а мужчина только вид делает, будто он сам выбирает. В данном случае это был выбор Иры. Валера – конечно, неглупый, но звезд с неба не хватает... Станет семейным человеком – возьмется за ум. Я-то для чего? Направлю, подскажу... В крайнем случае, и настоять смогу.

Так что наши девочки – вначале влюблялись, причем не очень удачно, потом развлекались – более успешно, гораздо более успешно, потом вовремя стали замужними дамами – обе окрутили своих избранников, а потом обе подарили мужьям по дочке. Все у них было правильно, все – как положено, вовремя, как и должно быть у московских девочек из хороших московских семей.

* * *

Аня говорила и говорила. Она уже изрядно выпила... И будто поток прорвало.

– Пряма, клялась! А подружка твоя тут же и поверила, – Аня смачно зевнула, нехотя прикрывая рот ладонью. – Она прямо при мне красилась. Ну, почти при мне. Чего, чего? Сигареты кончились?

Ира сказала, что у нее есть еще пачка, дурра-а-ацкая сумка, в ней никогда ничего не найдешь.

– Эта идиотка домработница, – произнесла Аня с каменным лицом, – часа полтора назад я положила прямо перед ее носом два мешка с продуктами, водитель привез. Вот увидишь, сейчас явится сюда и спросит, что ей с этим делать? Пришла с рекомендациями, я, говорит, жрец культуры, богиня голубого экрана, телевизионный режиссер... Все для нее сделала, умоляла, чтобы переехала сюда, комнату для нее выделила, ну и работай, неча разглагольствовать о высоком. Хочешь о высоком? Чо-ты-с-телевидяння-ушла, возвращайся – или не берут уже? Она не знает даже, как курицу приготовить. Отвари бульон, а это отработанное птичье мясо, оно уже ни к чему не годно, просто жвачка, его просто... теперь надо выбросить. Совсем сбилась с мысли, о чем это я?

Ира, наконец, нашла сигарету, закурила и рассказала, что речь шла об этой Нонне, то ли Шевченко, то ли Полтавченко...

– Ага, верно. Я же была у нее на свадьбе, а она красилась накануне. Такой, знаешь, дешевый черный цвет, что с нее возьмешь – провинциалка из Черновцов. Она же вышла замуж за этого Осика из Риги. Такой крошечный, корявый, помнишь его?

Ира ответила, что помнит, конечно, обычный задрипанный технар-кандидатик. Ужасно некрасивый, верно?

– Некрасивый? Мамочка дорогая! Да он был похож на плохо помытого Вуди Аллена!

– Ну, ты и сказанула, здорово! – с трудом вымолвила она и снова пригубила от своего стакана.

– Дай-ка я еще налью, – сказала Аня и опустила на пол ноги в одних колготках. – Ох уж эта идиотка, которую я взяла прислугой... Чего только я не делала, ей-ей, чуть ли не целовалась с ней, чтобы она поехала в этот дальний район, почти что загород. А теперь жалею... Откуда у тебя эта янтарная штучка?

Ира сказала, что кольцо у нее еще со школы, от мамы досталось.

– Чертова жизнь, – продолжала вещать Аня, философски разглядывая пустые стаканы. – Мне бы хоть кто-нибудь хоть что-нибудь оставил... Только то, что Манфред подарил, потом Джей, еще два серба у меня были... Так, ерунда какая-то, вообще нечего носить. Мама все Аллочке отдает, своей любимице. Если когда-нибудь свекровь откинет копыта, – и не дожدهшься, и взять с нее нечего. Она завещает мне, наверное, свои выцветшие вологодские кружева позапрошлого века...

Ира ехидно осведомилась о том, что раз ей светят вологодские кружева, то Аня теперь, наверное, ладит со свекровью.

– Шутить изволишь? – не то сказала, не то спросила Аня, уходя на кухню с пустыми стаканами.

– Я больше не хочу, слышишь? – крикнула ей вслед Ира.

– Как бы не так! Кто к кому в гости напросился? Кто опоздал на четыре часа? Теперь будешь сидеть, пухляшка, пока мне не надоест.

Ира хохотала, мотая головой, но Аня уже отплыла на кухню.

Ани все не было, и Ире стало скучно сидеть одной. Она подошла к книжному шкафу. Грустное зрелище – Шпанов, Шевцов, Панферов, Леонов, краткая история КПСС – в основном книги, изданные в советское время, взятые, видимо, из квартиры родителей. Для заполнения полок. Похоже на то, что книги никто не брал в руки со времени их переезда в эту квартиру. Квартира-то – не для чтения, для других утех... Ира провела пальцем по корешкам, посмотрела на толстый слой пыли на пальце, вытерла палец о палец, потом оба пальца

– о подоконник. Заглянула в окно – вечерело, зимние вечера – ранние, мокрый снег охватило ледком, слякоть постепенно превращалась в гололед.

Села в кресло, вытащила зеркало из бездонной сумки. Долго рассматривала свои губы, подкладывая под них кончик языка. «Поперечных складочек, слава богу, пока нет, губы еще плотные, крепкие, – с удовольствием подумала она. – Мне губы еще как пригодятся. Надо сказать Аньке, что я сейчас невеста, ищу мужа. Из Валерочки моего все равно ничего не получится, так и просидит всю жизнь примитивным инженеришкой. Эта книга прочитана, останется разве что для истории. Аня, как я понимаю, тоже невеста, опять в поиске. Хотя Федю далеко не отпускает, держит при себе, в горячем, так сказать, резерве. Чтобы не остаться у разбитого корыта. Честно говоря, Федичка ее – и так вполне себе разбитое корыто, совсем она мужика в полное ничтожество превратила». Ира вынула помаду и аккуратно подвела губы.

– Гололедица началась, – сказала она вошедшей Ане. – Быстро ты управилась, не разбавляла, что ли? Плеснула и все? Мы с тобой дошли уже, надо разбавлять...

– Крепость должна идти по нарастающей, – в руках у Анны маленький поднос, на нем два полных стакана. Анна оставила предательски качающийся подносик в левой руке, а указательный палец правой навела как пистолет на подружку. – Ни с места, делайте, что говорят, если вам жизнь дорога. И без глупостей – ваш дом окружен, у каждого окна снайпер.

Ира опять зашлась от смеха и убрала зеркальце. Аня поставила стакан гостьи на небольшой столик, с трудом удерживая свой стакан на подносе. Неловко избавившись от подноса, она блаженно растянулась на диване со стаканом в руке и, как человек, много повидавший в жизни и знающий истинную цену людей, произнесла многозначительно:

– Догадайся, что моя режиссерка выкинула? Уселась тощим задом на кухонную табуретку и читает С-крын-н-никова... Ты не знаешь?.. Историк какой-то. Специалист по «крынкам», наверное... – Аня расхохоталась. – Я покачнулась и уронила пластиковую форму с кубиками льда, так она как зыркнет, на меня: я, видите ли, своим нетактичным поведением помешала ей читать «высокоинтеллектуальную литературу».

– Все, моя милая, это последний, забей... Забей это в свою хорошенькую головку! – Ира взяла стакан. – Ни за что не догадаешься, кого я встретила на прошлой неделе. В главном зале ГУМа.

– Чего, чего, толстунчик? – Аня подсунула под руку диванную подушку. – Вахтанга, наверное.

– Кого-о-о? Это еще кто такой?

– Ну, Вахтанг Кикабидзе. Усатенький, в кино играет. Он еще потешно так поет: «Чита дрита, чита Маргарита, да!»

– «Читогврито, читомаргалито» – с филологом говоришь!

– Какая разница! «Людмилу Ивановну ха-а-чу!» – абаж-ж-аю Кикабидзе. Черт бы побрал эту хату, ни одной проклятой удобной подушки здесь нет. Так кого ты встретила в ЦУМе... Ну, в ГУМе, какая разница к фига собачьим...

– Кетлинскую, она шла...

– Это какую Кетлинскую?

– Да Кира Кетлинская, ты ее знаешь. Та, что с роскошным бюстом и тонкой талией. Представляешь... На один день приехала из Петербурга, и мы встретились. Чего ты гримасничаешь? Она же тебе всегда нравилась...

– Знаю, эта твоя Кира – кривляка, она мне тоже как-то попалась. Я сдуру решила подвезти ее до вокзала. Вот едем мы с ней, едем, а в это время мне Манфред звонит, представляешь. Говорит, приехал всего на неделю, скучаю, давай, любимая, быстро, жду тебя в «Праге». Ну, и я высадила Киришу. У нее чемоданчик совсем небольшой, показала, как добежать до

метро, даже поцеловала на прощание. Так она, видите ли, обиделась, не звонит теперь, в Питере не захотела встретиться. Питер – это все-таки заштатный городок. Ну, и что – она,

Кира, наверное, заговорила тебя, уболтала своими провинциальными байками?

– Вообще-то Кира не болтушка. Но знаешь, что она мне рассказала... Помнишь, когда мы по Закавказью ездили, там еще была пожилая пара. Валентина Ивановна и Николай Сергеевич. Журналисты в прошлом. Симпатичные очень. Они тогда нашу Киру «княгиней» величали.

– Тоже мне, княгиня захолустная. Такая же, как мой Федичка.

– Неправда, мне нравятся ленинградцы. А Кира вообще красавица, видная женщина и держится достойно. Не знаю, чем она тебе насолила. Так вот, Николай Сергеевич написал ей, что Валентина Ивановна умерла. Что у нее какая-то болезнь была, вот она и умерла. Высохла вся – а весу у нее двадцать пять килограмм осталось, понимаешь? Как это ужасно!

– А мне-то что до этого?

– Аня, отчего ты такая злобная стала?

– Ты выпила, Ира, и несешь, бог знает что. Ну что еще Кира рассказала?

– Рассказывала о семье, о муже, о сыне. У нее все хорошо, муж работает в Академии, в общем, все благополучно. Рассказывала, что несколько лет назад, еще до замужества, ездила с подругой в Гагры. И там за ней увивался некто Гоча, местный ментовский начальник...

– Знаю я этого Гочу – амбал, красавец, сердцеед. Вообще-то наглец приличный...

– Так вот, он уговорил ее на лодке покататься, не на катере, а на лодке... Вдвоем, понимаешь? И чуть не изнасиловал... Представляешь, стоим мы в центре универсама, а она громко на весь зал вещает: «Чуть было не изнасиловал!», все оборачиваются. В общем, откатил лодку подальше от берега, она так испугалась, что даже кричать не могла. А потом на катере подъехали спасатели, потому что лодка далеко в море ушла, и она пересела к ним...

– Ну и дура. Сказала бы – извините, все в порядке, сейчас вернемся. Я бы такой случай не упустила... У меня был югослав... по типу этого грузина. Вообще югославские мужчины... Высокие, галантные, усаые. Ручки целует, всю тебя зацелует целиком... Даже мою некрасивую складочку на животе – «Ах, какая симпатичная складочка, очень даже желанная складочка...» Подожди, подожди... – Аня услышала шаги в прихожей и громко спросила: – Это ты, Оля? Ты что, неужто решила мамашку навестить?

– Да нет, я забыла у тебя кое-что из своих вещей.

– Хорошо, не забудь тогда хотя бы дверь закрыть, забывчивая ты моя! – крикнула Аня.

– Оля пришла? Умираю, хочу посмотреть на твою красавицу-дочь. Ведь я не видела ее... Ах, я свинюшка, смотри, что я натворила, прости меня, Аннушка...

– Да оставь ты, сиди, не дергайся. Тьфу на этот гнусный ковер, терпеть ненавижу... Давай-ка я еще тебе налью.

Ира отстранила свой стакан:

– Я еще и половины не отпила.

– Не хочешь, брезгуешь компанией подруги... Дай-ка мне сигарету!

Ира протянула пачку:

– Страсть как хочу ее видеть. На кого она похожа?

Анна закурила:

– На Вахтанга Кикабидзе, а может быть – на Точу Гочаву из Гагр...

– Ну ладно тебе...

Анна дотянулась до пепельницы и поставила ее себе на живот.

– На Федичку, на кого же еще? Вылитый Федя, ген в ген. И дружит с отцом – просто не разлей вода. Папина дочка. Но Федька мой – страшила, а Оля – чистая красотка. Притом Федор – один к одному его матушка. Придется мне кошку гладкошерстную завести, норвежскую голубую. Чтобы в семье хоть кто-то был на меня похож...

– Сколько ей, уже двадцать есть? Так же, как и моей. У нее же плохо было с глазами. Не стало хуже?

– А я почему знаю? Она ничего не рассказывает. Взро-о-ослая... Линзы носит. Раз ночью ходит в сортир, в очко попадает – значит, видит.

Ира обернулась.

– Оля, какая же ты стала красавица, – она поставила свой стакан. – Ах, какие у нас ножки! Ну, ты меня помнишь?

– Как это не помнить?.. Кто эта тетя, Оля?

– Ну, ладно, мама, дурачиться. Ира Гнатова, вот кто, наша самая знаменитая переводчица, интерпрето...

– Ай, молодец, хорошая девочка! – сказала Ира. – Ну, давай поцелуемся, моя милая!

Оля оценивающе посмотрела на Иру, стала дурашливо чесаться.

– Прекрати паясничать, – сказала Анна.

– Ну, давай обнимемся, Оля, – повторила Ира.

– Не люблю обниматься и целоваться.

Анна скривилась и сказала презрительно:

– Ты, наверное, от своего толстого кавалера.

– Боже ты мой, у тебя есть мальчик!

– Какой мальчик – старый, жирный папик с голдой в два пальца толщиной...

– Во-первых, я из дома. Во-вторых – он не жирный, а большой и могучий. В-третьих – я с ним, возможно, расстанусь. Мы не виделись... недели две, наверное. Съездила с ним в Грецию, и хватит. А в-четвертых... отстань от меня, что за привычка – вечно ты, Анна, лезешь не в свои дела. – Оля состроила гримасу, ослабилась и высунула язык.

– Сейчас же прекрати, Ира спрашивает, есть ли у тебя мальчик.

– Есть у меня «мальчик», сорока с лишним лет.

– Нет, правда, это чудесно! – сказала Ира. – Твой друг, видимо, обеспеченный человек. Ты живешь у него?

В глазах Оли не отразилось ни тени восторга, прозвучавшего в голосе «знаменитой переводчицы».

– Нет, Анна купила мне квартиру. А вообще-то я дружу, с кем захочу.

– Расскажи о твоём друге...

– У него глаза зеленые, волосы соломенные, лицо – красное, пузо – белое, а руки – как две лопаты; глаза завидующие, руки – загребущие...

Ира закусила губу и в полном восторге качала головой.

– Какая же ты прелесть! Как его зовут?

– Амбал Амбалыч!

– Ну, хватит кривляться, Оля! Иди на кухню к Наталье. Пусть она тебя накормит. Ешь как следует. Посмотри на себя, ты же плоская, как селедка. Хочешь иметь грудь – надо хорошо питаться... А ты как птичка – чуть клюнула и улетела.

– Мы не прощаемся, Оля, – пропела Ира, – мы ведь еще увидимся.

– Не засиживайся на кухне. Эта режиссерка Наташка – не ровня тебе. Она там у Наташки застрянет на два часа. Будет секретничать. Любит ее. Она же прислуга, а для Оли... будто медом намазана. Зачем ей она? Наталья – просто домработница. Не нашего круга человек. Оля неразборчива в знакомствах. Вообще неразборчива. Ей МГИМО был открыт, а она, упрямца, в Плехановку рванула. Занимается танцами. Диско, хастл – разве туда придут мальчишки из хороших семей? Что ей так нравится крутиться с плебсом? Теперь этот папик. Я ей квартиру купила, машину подарила, а она: «Отстань от меня, мама, не лезь в мою жизнь, не твое дело». С отцом при этом – душа в душу. Как это понять? Вон у тебя девочка – и замуж вышла за мальчика из хорошей семьи, и в аспирантуру поступила, и ребеночка уже завела...

– Зря ты ругаешь дочку. Мне твоя Оля очень даже понравилась. Взрослая, самостоятельная, красивая. У тебя что-то не получается, а ты на ней вымещаешь.

Анна вдруг вскочила, качнулась:

– Д-д-дай-ка твой стакан!..

– Хватит, ну, боже мой, хватит уже. Ведь меня ждут в Ассоциации биатлонистов... Как я за руль сяду?.. Витчанин – очень приличный парень, я не могу его подводить...

– Позвони, отмени встречу, скажи, что тебя изнасиловали в подъезде. Ну, хватит ломаться, давай стакан!

– Не надо, Анечка, нет, нет, нет! Ну, право слово. It's enough, I'm fed up!² Подмораживает, а у меня резина лысая. Если я...

– К чертям собачьим, пусть весь мир замерзнет. Звони, подружка-пампушка. Скажи, что беременна, что у тебя схватки. Что ты уже умерла, что сейчас оформляешь свидетельство о смерти, завтра обязательно предъявишь... Ну, давай стакан!

– Ты как вихрь, как ураган! Где мой мобильник?

– Куда-а-а, куда-а-а... забра-а-ался этот него-о-одник? – пропела Анна и, пританцовывая, двинулась с пустыми стаканами в сторону кухни. – Где этот маленький, замечательный, перламутровый, мобильненький телефончик?

Повернувшись спиной к Ире и расставив руки со стаканами, она стала медленно покачивать бедрами, будто соблазняя невидимого кавалера. Ира хихикнула...

* * *

Прошло три с половиной часа после приезда Иры.

– Ты не знала настоящего Беленского, – мечтательно говорила Аня, лежа на ковре в расстегнутой рубашке, в колготках без юбки, закинув одну ногу на колено другой и держа стакан с ликером на голой груди, как раз посередине между двух округлых заманчивых холмиков. – Как он умел смешить меня! Я хохотала до слез. Помнишь тот последний вечер в Планерском? Шел дождь, и ребята поставили кастрюли там, где протекала крыша. Мы тогда смеялись, ржали как бешеные, когда эта сумасшедшая Любка выскочила танцевать топлес в одних прозрачных кружевных трусах, а черный бюстгальтер она держала в руках и крутила им над головой...

Ира Гнатова громко хрюкнула... Она растянулась на диване, откинув голову и опираясь подбородком на подушку, чтобы лучше видеть Анну. Стакан с «Адвокатом» стоял на полу рядом, и она придерживала его рукой.

– Женечка, Женечка, как же ты умел меня рассмешить! И при встрече. И по телефону. Он и письма мне писал. Я хохотала до упаду, когда читала. Из него это просто выскакивало, получалось как бы само собой. Подружка-пампушка, подкинь сигаретку несчастной, всеми брошенной, пожилой женщине...

– Э-э-э, – закричала Ира, напряглась и снова рухнула на диван. – Не дотянуться! Извини, мне не дотянуться.

– Хрен с ней, с сигаретой. – Аня уставилась стеклянными глазами в потолок. – Я грохнулась в ванной и сломала предплечье. Он отвез меня в больницу и доктора наложили гипс, рука на привязи была оттопырена как крылышко. И он сказал мне: «Бедный, бедный гусенок – сломанное крылышко». Так и сказал – «бедный, бедный гусенок». Какой он был милый, этот Женечка Беленский!

– Чувство юмора будто только у твоего Жени... У Феди что, нет чувства юмора?

– У Феди?

² Достаточно, надоело!

– Да, у Феди.

– Кто его знает, этого Федора. Любит смотреть «Крокодил», «Работницу», смеется. Карикатуры любит. Если не на начальство, – Аня сняла стакан, приподняла голову и отпила глоток.

– Этого мало, это еще не все, – сказала Ира.

– Чего мало?

– Если человек веселый и умеет смешить.

– Как это мало? Это как раз то самое. Что мы с тобой – в монашки записались? Живем, Ириха! Надо жить весело, что еще надо?

Ирина захохотала:

– Не, чесна, ты меня уморишь, уже уморила...

– Боже мой, мама моя, ты говоришь, я тебя уморила? А вот он на самом деле был уморительный, до чего же он был уморительный! А иногда – ласковый и нежный, очень даже ласковый. Не липкий и назойливый, как все эти прыщавые студенты. Однажды мы ехали сидячим поездом в сторону Рыбинска. Это было как раз перед его поездкой в горы. Было очень холодно, и мы укрылись моим пальто. И на мне были пушистые вязаные рейтузы... Помнишь, такие серые толстые рейтузы?

Ира кивнула, но Аня даже не обратила на это внимания.

– И вот его рука очутилась у меня на животе. Само так получилось – прямо внутри рейтуз. А он и говорит: «У тебя животик жирненький, но до чего сладкий. Прямо фуа-гра – сло-манное крылышко». Но у меня тогда рука уже была совсем целая. А я спрашиваю: «Почему фуа-гра?». «Потому что у тебя белая длинная шейка, как у гусенка, а сама ты такая вкусная – так бы и съел». А потом вошел проводник, подозрительно посмотрел на нас и почему-то погрозил пальцем. А Женя вдруг как закричит: «Выпрямитесь, стойте прямо, подтяните живот, раз уж вы надели железнодорожную форму. Где ваше достоинство? А не можете – идите работать кочегаром!». Вот так он отчитывает проводника... но руку из рейтузиков не вынимает. Проводник вдруг скис, спекся, как говорят, и отвечает так растерянно: «Ну, если все в порядке, я пошел, спите, молодые люди».

После некоторой паузы Аня добавила:

– Конечно, это неважно, что он говорил. Важно – как, это действительно важно...

– А ты своему Федору рассказывала об этом?

– Феде? Вообще-то он знает о Женьке. Что был такой знакомый. Упоминала, даже фото показывала. Ну, не там, где мы вместе. А Федька... Знаешь, что он спросил? Кем тот работает? В смысле должности.

– А он закончил тогда универ? Да? Ну, и кем он работал?

– И ты, подруга, туда же...

– Ну что ты, к слову пришлось...

Аня рассмеялась. Смех у нее был очень женственный... Звонкий и одновременно грудной и глубокий.

– Женя считал, что он вообще-то продвигается по службе, но почему-то в обратном направлении. Перед самой той поездкой в горы он и вообще потерял работу в лаборатории, работал истопником в котельной, потом спасателем на лодочной станции. Там было достаточно времени... Читал разную литературу. Он сказал как-то, что если считать его военно-служащим от науки, то из знаков отличия у него осталась только одна медная пуговица на пузе и следы от погон на обгоревших плечах. Так он сказал.

Аня посмотрела на Иру, та даже не улыбнулась.

– Разве не смешно?

– Почему не смешно? Смешно, – мрачно сказала Ира. – А почему ты ничего не рассказывала о Женечке своему Федору?

– Почему – потому! Этот Федя – деревянный тупица. Ходячая схема, а не мужчина. Вегетарианцем заделался, все свободное время... Капусту, морковку трет. Ему бы только морковь есть – в кролика превратился, скоро глаза красными будут. А ты, пампушка, небось, деловой себя считаешь. «Я невеста, я невеста!» – передразнила она подругу. – Если еще раз выйдешь замуж, никогда не говори мужу о своих увлечениях. Поняла?

– Это еще почему?

– Слушай меня, я плохого не посоветую. Говори что угодно. Очень откровенно. Можешь даже цинично. Но только не правду. Правду – никогда, ни за какие пряники, даже под пытками. Предположим, ты рассказываешь, что был роман с красивым мальчиком – скажи, что он был слащавым; если с могучим мужчиной, скажи – просто конь, бык-производитель; если с умным, скажи – мужчина был никакой; веселого назови балаболом, поэтического назови наивным, смелого – развязным, решительного – авантюрным. А не скажешь – муж не простит, будет всю жизнь вставлять тебе шпильки. Выслушает тебя с умным видом, а потом будет пинать и попрекать при каждом удобном случае. Не верь, что он умный. Как бы он ни прикидывался. Не ведись. Держи свою линию. Иначе твоя жизнь превратится в ад. Вот так вот, деловая ты моя малышка. Жизнь прожила, а в мужиках разбираться не научилась...

Ира расстроилась, погрузилась, подняла голову с диванной подушки и оперлась щекой на ладонь руки. Мысли путались, она напрягалась, но ей никак было не разобраться в «мудрых» советах подружки, непонятно было: в чем это она не научилась разбираться?

– Ты хочешь сказать, что твой Федор на голову слаб?

– А что еще я могу сказать?

– А разве он не умный? – пропищала Ирочка невинным голоском.

– Слушай, давай не будем портить друг другу настроение. Что попусту мусолить? Умный, неумный – пустая болтовня...

– Чего же ты его охомутала?

– Боже мой, господи, что ты такое мелешь? Да я-то почему знаю, почему я за него замуж пошла. Говорил, что любит Толстого и Паустовского. Что это его любимые писатели, и они очень сильно повлияли на его жизнь. А потом оказалось, что ни одного их романа не прочел. А любит Николая Островского и Фадеева. То, что в школе вписывали. Вот, мол, написано о жизни настоящих людей. Только бы покрасоваться: «Вот это люди, вот это эпоха, потрясающая литература!»...

– Тебе лишь бы гадости о муже говорить. Твой Федя – очень приличный человек. А литература эта... Что в ней плохого? «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия»... Конечно, прошедшая эпоха, но ведь это наша история...

– Ни черта хорошего в этой литературе нет. Советская пропаганда, вчерашний день, можешь мне поверить, – сказала Аня, потом подумала и добавила: – У тебя хоть работа есть. А я осталась ни с чем. Хоть работа...

– У тебя ведь тоже работа, своя фирма по медицинскому оборудованию. А захочешь – пойдешь в Дорстрой, ты ведь кандидат «дорожных наук»... И вообще умная, все на лету хватаешь...

– Медприборы! Купи-продай, тоже мне дело всей жизни! А дороги... Щебен, геотекстиль, трамбовка, обочины, присадки, асфальт – как романтично!.. Не то что у тебя – симпозиумы, совещания, породистые люди, шикарный антураж...

– Послушай, нет, ты послушай меня! Может, все-таки расскажешь ему, что Женя погиб? Не сейчас, когда-нибудь. Не станет же он ревновать, если узнает, что тот погиб...

– А тебе-то это зачем?

– Да низачем. Просто непонятно... Какие у тебя могут быть секреты от Федора? Тебе же легче станет.

– Смешная ты моя невинная малышка. «Деловая!» Легче, как же... Будет только хуже. Ну, он, к примеру, знает, что я встречалась с каким-то физиком. Зачем мне говорить, что тот погиб? Ни за что не скажу. Почему я должна ему говорить об этом? Глупая идея – исповедоваться мужу... Особенно такому деревянному. Он же из меня всю кровь выпьет. Знает, что был дружок – остряк доморощенный. Если и скажу, хотя это вряд ли, скажу, что дружок заболел и умер, не буду говорить, что погиб...

Ира подняла голову, потерла рукой за ухом.

– Ани...

– Чего тебе, пампушка?

– Почему ты не расскажешь мне, как Женя погиб? Ты знаешь, я никому не скажу... Честно-пречестно...

– Нет!

– Честное благородное, никто не узнает. Я тебя не выдам.

– Я знаю, ты расскажешь Вахтангу Кикабидзе или, в крайнем случае, – Гоче. Встретишь Вахтанга, отдашься – и все ему расскажешь...

– Ну, хватит трепаться, Ани, ты же знаешь – никогда и никому.

Аня села на пол, долила себе ликера. Поставила стакан между ног около ступней.

– Эх, был бы Женька жив... Может, все пошло бы по-другому. Хотя вряд ли. Рассмешишь он умел... Но почему-то в жизни у него все шло в обратном направлении... О чем это я? А, да-да, жаль Женечку... Помнишь, он ведь альпинистом был, как все эти чертовы физики. Его подбили братья Гришковичи «сбегать» на пик Коммунизма в Средней Азии. Может, и не Коммунизма, а Социализма, хрен разберет. Братья – крохотные, но сильные и опытные, вот он им и доверился. Еще с ними была женщина-спортсменка. Так вчетвером и пошли. Маршрут не подготовили, группу не зарегистрировали, никого не оповестили... А на третий день подъема началась пурга. Что там у них произошло – неизвестно. Но только после снежного шторма вниз спустились только двое – братья Гришковичи. Через год отыскали тело женщины. А Женьку так и не нашли...

Аня наклонилась головой вперед, крепко сжала пальцами пустой стакан и заплакала. Ира съехала с дивана, подползла к Ане и стала гладить ее по голове.

– Бедная моя девочка, не плачь, не надо...

– Разве я плачу? Да, да, понимаю... Зачем я плачу? Это было так давно... Теперь уже совсем плакать ни к чему. Что там за шум на кухне? Ирочка, сходи, посмотри – что они там делают?

– Хорошо, хорошо, я все сделаю. Только не плачь, обещай, что не будешь плакать.

Ира взяла стакан и, пошатываясь, пошла на кухню. Вернулась вместе с Олей. Аня откинулась назад, теперь она уже лежала на спине и сморкалась в платок. Не отнимая платка, спросила у дочери:

– Ну, что – все оговорили с Натальей, всем кости перемыли?

Ира заползла на коленях под стол, тщетно пытаясь разыскать непослушные, вечно исчезающие сигареты. Аня тем временем продолжала:

– Вещи-то собрала, ничего не забыла? Ну, говори, когда спрашивают...

– Я пошла.

Аня скомкала платок, с трудом села, схватила Олю за ногу.

– Дай ногу! Нет, ты сядь, слышишь... Поговори с матерью... Ответь мне. Опять к своему папику намылилась?

– Дался тебе мой папик... Что ты знаешь о нем? Это необыкновенный человек... Ну, как тебе объяснить? Все равно ведь не поймешь... Он – человек слова, на него, по крайней мере, положиться можно... А ты все лезешь и лезешь. Отстань – что хочу, то и делаю!

– Как же, необыкновенный – толстый старый бандюган, наглец и проходимец. «Что хочу, то и делаю!» Это я для тебя все сделала...

– Тебя никто не просил об этом. Я не только учусь... В «Райффайзенбанке» работаю, зарабатываю получше, чем ты в Дорстрое, между прочим... Можешь все взять назад – забирай... Квартиру, машину... Возьми, раз тебе надо. Сожри, проглоти, только не лопни. Довольна? А с папиком моим... Успокойся, его уже нет. Он умер. «Умер» – твое любимое слово, не так ли? Его убили ассасины... Книги читать надо, не в деревне живешь... Он раздулся, как шар, и улетел... Короче, считай, что он для меня умер, довольна?! – Оля выдернула ногу и выбежала на лестницу, хлопнув дверью.

– Конечно, я довольна, что мне делать? Всем, всем довольна. Я ведь для тебя, дочка, лучшего хочу. Ты же Бакширова, черт бы тебя побрал, ты должна жить достойно... Как положено Бакшировым. Мать для тебя не авторитет, для тебя авторитет служанка... деревянный папа, из которого я сделала человека, – кем бы он был, если б не я? Тебе нужны эти дети люмпенов с танцулек, бандюганы-качки. Люмпены и дебилы, босяки и холопы. Недаром говорят: «холопское хамство». Твой папик – тот же люмпен, режиссерка – люмпен. Разве они в состоянии что-нибудь сделать сами, придумать, организовать? Им все: дай-дай-дай – мало, дай еще! Отнять и поделить... Тьфу-у-у! Она меня не слышит. Ушла... Кому нужна эта ваша демократия? Избирательное право надо оставить только тем, кто своей головой сумел чего-нибудь добиться в этой жизни... Мать родная уже не авторитет ей! Брось-ка мне сигарету Ирочка. И давай еще выпьем.

Ирина подала сигарету.

– Оля – прелесть. Нет, ты только подумай – как она об этом папике: «Необыкновенный человек»! Амбал Амбалыч! Глаза завидующие, руки загребушие, – вот это фантазия! С характером девочка...

– С характером, да не в ту сторону характер этот. Сходи на кухню, налей нам. А лучше возьми всю бутылку. Не могу я туда идти, там противно так пахнет вареной курой... И не хочу я эту Наташку видеть. Тоже мне, режиссер. Так у нас везде – никто не хочет делать обычную работу. А говорить и руками в воздухе разводить... мы все мастера.

* * *

В половине двенадцатого зазвонил телефон.

– Алё, алё! Это ты, Джей? How are you? Черт бы тебя побрал, чертов ирлашка, мне спать пора, – а ему что до этого? У него на три часа меньше, ему в самый раз, ему поболтать захотелось, языком почесать. What do you want? We have discussed already everything³. Ах, ты соскучился, мерзавец, ты понял, что ошибался? Конечно, ошибался! Ты осознал, хочешь, чтобы я стала полноправной хозяйкой особняка в Эспоме? Делашь мне предложение? Well! I'm coming back⁴. Приму ли я твое предложение? I'll have a look, it depends... I'll see your behavior⁵... Черт побери, скотина, согласился все-таки. Очнулся... Долго не понимал своего счастья, а теперь понял наконец... Конечно, вернусь. I'll take a flight and immediately call you! Kiss you, my darling⁶! Ну погоди, Джей. Побегаешь теперь, теперь-то я с лихвой отплачу за это твое «Не входит в мои планы...». Погоди, погоди. Стану миссис Уорд... Попробую еще и до Майкла добраться... Ну, конечно, не до принца – кишка тонка, – а до Нордингтона... Почему бы и не попробовать?

³ Что ты хочешь? Мы уже обсуждали все это.

⁴ Хорошо! Я возвращаюсь.

⁵ Я посмотрю, это зависит от... Посмотрю на твое поведение...

⁶ Я возьму самолет и немедленно позвоню тебе! Целую тебя, дорогой!

Аня почему-то опять заплакала, размазывая по лицу слезы и остатки боевой раскраски. Отчего эти слезы? Все теперь хорошо! Анна успокоилась, привела себя в порядок, сняла трубку и решительно приступила к делу:

– Значится, так, Федя. Ты уже дома, вернулся-таки? Рраз-два – левой? На такси? Да мне-то что? – будет сейчас, как маленький, все подробно объяснять... – Молодец, молодец, Федя! Приеду утром... Собери мой чемодан. Все вещи, ты знаешь, что надо. Ну, конечно – не один чемодан, два больших чемодана! Куда, куда! Завтра приду и сразу полечу в Англию. Новый контракт, дурачок, – на несколько лет... Разберусь на месте – отпишусь, по скайпу поговорим. Буду вице-президентом фирмы... С фактическими правами президента. Вице-президент – но круче, чем президент. Кто от такого контракта откажется? Возьми мне билет на завтра... Ты сам и купишь. Виза есть. Как обычно, ты знаешь – бизнес-класс... Отвезешь в аэропорт. Так, нечего хныкать. Мне тоже нелегко, я же не плачу. Потерпи, я приеду через полгода... В отпуск. Смотри, чтобы здесь все было в порядке. За тебя я спокойна, ты все сделаешь правильно. Да, потерпи... В крайнем случае – любовницу заведи. – Как же, этот мозгляк даже на такую безделицу не способен... – Шутка. Ну, хватит, Федя, ты сам знаешь – так надо!

Аня рыгнула и продолжила:

– А вот Оле придется помочь. Помочь, засранец... Ну, ладно, извини, погорячилась, не выступай – это фигура речи такая... Ты с ней, с Олей, – душа в душу, вот и помогай... Все говорите и говорите друг с другом, ля-ля – тополя... А надо реально помочь девочке. Как – чем? Избавить, например, от папика толстозадого. Не серди меня – все равно сделаешь, как скажу. Свяжешься с Василь Василичем. Ну, тот, к кому ты меня всегда ревновал. Я же не виновата, что нравлюсь ему. Я вообще нравлюсь мужикам... Да, он из каких-то органов. Не из ЧК. Контрразведка, наверное, или что-то в этом духе. В общем, скажешь ему, что надо поработать по Олиному папику. Он сам знает, что надо делать – найдет компромат, свяжется с кем нужно... с его женой, с органами, если потребуется... Сообщит, что папик не дружит с законом – это самое простое, нарушения всегда найдутся... А может, и скелеты в шкафу... В общем, он умеет все это по-тихому обтяпывать. Федя, не серди меня. Уже поздно, я очень устала, слушай, что тебе говорят. Я не плачу, это нервный тик... Никаких расчетов. Мы с Василь Василичем свои люди. Скажешь, что Анна вернется с туманного Альбиона, рассчитается натурой. Какой ты, Федька, распушенный – шучу я. Просто фигура речи... В ресторан с ним схожу, например. Причем, за его счет. Понял, дурашка? Вообще-то, я надеюсь на тебя. Чтобы все было готово, когда приеду... Ну, целую, до завтра. А Олю береги. Я тебе за Олю голову оторву. Кстати, ты пробовал когда-нибудь фуа-гра? Дурак! Ты даже не представляешь, как это вкусно. Почти так же вкусно, как быть моим мужем. Не понял?.. Тебе еще нравится спать со мной, болван, или уже все равно? Ну, так это почти так же вкусно. Гуд бай, мой друг, гуд бай! Когда умо-о-олкнул все пе-е-есни, которых я-я-я не знаю...

* * *

Опять зазвонил мобильник. Анна очнулась, посмотрела на часы: начало девятого... Не утро, еще вечер... Что-то я не поняла... Приснилось, что ли, про этого рыжего? Тьфу, даже вспоминать противно! Ира Гнатова спала на диване, уткнувшись лицом в подушку. Аня в темноте пыталась нащупать туфли – безрезультатно. В одних колготках, раскачиваясь, медленно и торжественно она двинулась в сторону истерично взвизгивающего телефона. Свет не включала...

– Алло... М-м-муженек аб-бъявился. Нет, я на работе... Слушай, я не могу отсюда выехать, придется здесь переночевать. У нас есть служебные ап-п-партаменты. Приехала Ира Гнатова, она загородила выезд, а ключ... Видимо, уронила в грязь. Мы двадцать минут

ползали в снегу – ничего не нашли. Кому я десять минут пытаюсь что-то объяснить? Конечно, я забрать тебя не смогу, сам, сам... Добирайся, как можешь. Водителей отпустил? Вот это зря! А что, товарищи по работе не могут подвезти увважаемого замначальника отдела министерства? Вовка с Артемом, например. Ах, вот как?.. Жаль, жаль! Знаете что, мальчишки, встаньте шеренгой – раз-два-левой, левой! А ты – за командира... Остро? Ничего я не остро – нервный тик, у языка тоже бывает нервный тик, в общем, на нервной почве – хватит рассусоливать, отбой, мой милый, чао-какао!

Аня вернулась к окну – шаг ее был не совсем уверенный – нашла бутылку вылила остатки в стакан, вдохнула, выпила залпом, вздрогнула, передернула плечами – бр-р-р! – и плюхнулась на кушетку.

Кто-то включил свет, Аня очнулась.

– А, это ты, Натахен? Ужин будет чуть позже, что-то я не форме.

Высокая, голенастая Наташа стояла в двери, свет освещал ее сзади – то, что делалось в столовой, Наталье было видно не особенно отчетливо.

– Ваша гостья уже ушла, Анна Дмитриевна?

– Нет пока – она, похоже, тоже не форме. Так что попозже... и на двоих. Я имею в виду ужин. А может, и не будет ужина.

– Да я спросить хотела. Моему мужу нельзя переночевать здесь? Ему завтра на работу можно не так рано, как обычно, а погода – сами знаете, хуже некуда. Мы в моей комнатке разместимся... Без проблем.

– Не поняла, а где он, здесь на кухне? У вас, Натахен, все без проблем, никаких на хрен у вас нет проблем.

– Так что – нельзя?

– Нет, нельзя. Что у меня – гостиница?

– Не поняла...

– Чего тут понимать? Ему ночевать здесь нельзя. Потому что это моя квартира. Квартира, а не гостиница.

Наташа застыла, она, видимо, ожидала другого ответа.

– Хорошо, Анна Дмитриевна. Как скажете, – задумчиво сказала она и удалилась на кухню.

Анна повернулась в сторону прихожей. На пороге лежал одинокий Олин сапог. Видимо, он выпал из сумки, когда Оля вырывалась из объятий матери. Анна подняла сапог, долго рассматривала его, потом с силой швырнула в сторону выхода. Сапог глухо ударился о косяк и шлепнулся на пол прихожей. Аня включила в столовой свет и долго держалась рукой за выключатель, будто боялась упасть. Так она простояла минуту, уставившись стеклянным взглядом на свой мобильник, потом отклеилась от выключателя, торопливо взяла телефон и села в кресло.

– Оля, ты уже дома? Сегодня одна, не пошла к своему папику? Вот это правильно. Да знаю я ваших папиков. Всё самоутверждаются.

Этот твой... Чтобы сказать потом друзьям: «Ездил на Родос с малышкой на двадцать лет младше меня». Небось как и все, бегает в клуб «Сто пудов», ну, где за умеренную плату можно взять невообразимую толстуху. Ему баба нужна в сто пудов. Или десять по десять. Не такая же тощая селедка, как ты. Да еще и злобная. Ишь, как на мать бросаешься... Думаешь, я тебе плохого желаю? Твой папик – такой же люмпен, как и твои прыщавые мальчишки на танцульках. Чего ты туда таскаешься? Балерины из тебя все равно не получится. И от папика твоего тоже ничего хорошего не дождешься. Разве что дурную болезнь подхватишь. Лучше бы он умер. А ты не злись... И не кричи. И нечего рыдать, мать тебе дело говорит... Я хочу, чтобы ты счастлива была... Чего молчишь? Бросила трубку, стерва!..

Анна потушила свет, стала у двери в освещенную прихожую, долго смотрела на сапог дочери, потом рванулась к нему, за что-то зацепилась, упала, ударилась рукой о косяк. Вначале боли не почувствовала. Внезапно боль охватила всю ее руку – от кисти до плеча, как тогда в молодости. Не вставая, она вытянулась вперед, схватила сапог, судорожно прижала его к себе. Кашляла, икала, плакала, слезы ручьем лились на пыльное кожаное голенище.

– Бедный, бедный гусенок – сломанное крылышко! Бедный гусенок! – повторяла Анна снова и снова. – Бедное фуа-гра – сломанное крылышко!

Поставила сапог у стены – аккуратно, подошвой вниз, вытерла рукой пыль с голенища. Снова прижала сапог к себе, гладила и целовала светло-серое голенище. Почему она все бежит куда-то, не может остановиться? Когда это все кончится? Ну, дал ей разворот Джей. Обидно, конечно... Что ей этот Джей... Ирлашка никудышный... Ничего-то она к нему не чувствует. И никогда не чувствовала. Наташка, режиссерка, – приличная, интеллигентная – чего на нее бросаться? А Оля... Дочка ведь... Пытается своим умом жить. Ну, не хочет она, как я. О Феде и говорить нечего. Все-то я его грязью... А он видит и понимает. Золотой человек... Любит меня, принимает такой, какая есть. Взбалмошную, с капризами, закидонами... Кто еще такую терпеть будет? И что это за речь у меня, откуда это все взялось? Будто продавщица из сельмага...

Пошатываясь, вернулась в столовую, стала будить Иру Гнатову.

– Что?.. Кто это?.. – Ира резко поднялась и села на диване.

– Слушай меня, Ирочка, дорогая, – Аня шептала, сбивалась, всхлипывала, снова повторяла: – Слушай меня... Помнишь наш первый вечер в университете? Первый вечер... Маринка, моя тогдашняя подруга, сшила мне платье из матрасной ткани. Сделала складочки на красных полосках и прострочила... Получилось, будто марлевка в рубчик... И по фигуре так подогнала, и стоечка, и погончики... Эта моя тезка – Анька Камозо, которая считала себя первой красавицей курса – она была в красном платье, размалевана, как кукла... ярко-красной помадой... За ней тогда увивались Жариков и Батулин, баскетболисты из команды мастеров... А Батулин – еще и боксер! Оба – дубины безмозглые. Выступали – красовались, все для нее, для Аньки Камозо. А она глаз на мое платье положила, да так напирает, и говорит мне очень нахально – мол, марлевка из Франции, зачем тебе она, куплю за тридцать баксов. Тогда это были деньги, ого-го, будь здоров! А я ей... как врезала – не расстанусь с платьем ни за какие деньги, вот и все! В тот вечер я всем мальчишкам нравилась, а девки завидовали. Тогда и Женька, он уже работал, на вечеринку прибежал. Целовались в вестибюле, он мне в сто раз был милее, чем эти «центровые» Жариков с Батулиным. А Камозо напоследок сказала мне, что платье старомодное и таких платьев уже никто не носит. Я вернулась домой и весь вечер проплакала, не знаю отчего. То мне казалось очень обидным, что платье немодное, а то – наоборот, чувствовала себя счастливой от того, что все на меня смотрели на вечеринке, и Женька мне очень понравился... – Аня схватила Иру за плечо, встряхнула раз, другой, встряхивала несколько раз и спрашивала умоляюще: – Ира, Ирочка, я была тогда хорошая, ну скажи – правда ведь – я была тогда хорошая?

Казалось – на всю квартиру, на всю лестничную площадку, на весь слякотный, заснеженный и заледеневший новый московский микрорайон разносился истерический крик, переходящий в пьяное рыдание:

– Ну, скажи... Скажи, Ирочка... И-и-р-рочка! Правда ведь? Ведь я тогда хор-р-р-о-ошая была?

* * *

В половине двенадцатого вновь зазвонил телефон. На самом деле, не во сне. Но это был Джей. Как в том сне.

– Ани, дорогая, я бы хотеть you быть host мой castle.

– Соизволил, мерзавец? Вот так-то. Заруби себе на носу – Бакшировы всегда добиваются своего.

Джей ничего не понял, он ведь почти не говорил на русском.

– What is мерзантайбл? No difference! Хорошо, хорошо, дорогая! No сомневаться – Джей сделать всё тот, что Ани хотеть...

Алексей Морозов

Морозов Алексей Вячеславович, русский, старообрядец, родился 17 февраля 1951 г. в Москве. По образованию – математик; военно-учётная специальность – расчёт траекторий. Закончил два московских вуза: Московский авиационный институт (ныне Технический университет) и Московский государственный педагогический университет, физико-математический факультет. Долгое время работал на предприятиях оборонной промышленности: «Алмаз» (принимал участие в создании ракетных комплексов), «Молния» (принимал участие в создании космического челнока «Буран») и некоторых других. В частности, на полигоне «Гюрза», под Баку, готовил специалистов-ракетчиков для отражения американской агрессии во Вьетнаме. Воинское звание: старший лейтенант в отставке. Затем был старшим, ведущим инженером, руководил группой при Главном контролере при испытаниях образцов новой ракетной техники и при её боевом применении. Работал в Бюро международного молодёжного туризма «Спутник». Неоднократно выезжал в зарубежные командировки. Вследствие газовой гангрены была ампутирована левая рука, после чего сразу ушёл на преподавательскую работу. Был преподавателем, заместителем директора Московского техникума информатики и вычислительной техники, директором Христианского гуманитарного лицея, директором Свободного университета. Работал в издательстве «Протестант». Присвоено звание «Отличник народного образования РФ». Член Союза журналистов России, член Союза писателей России. С 2001 года на «вольных хлебах».

Создал проект «Inside», где основной идеей является перенос любого действия внутрь человеческого тела. Проект «Inside» завоевал серебряную медаль на международной выставке высоких технологий (выставке изобретений) за открытие новой компьютерной реальности в декабре 2004 года в Сеуле, Южная Корея (Seoul International Invention Fair 2004).

Сотрудничал с копирайтерами в рекламном агентстве Огилви, а также со студией «Аардман» (Великобритания). Для компьютерной студии GT написал сценарий компьютерной игры. Применив идеи проекта «Inside», участвовал в табачном конкурсе автозавода Rover, где занял 2-е место.

В 2011 году в издательстве «ВЕЧЕ» издал роман «Золото Холокоста».

В 2012 году издал книгу стихов и рассказов «Жизнь и любовь калеки-офицера».

В 2013 году издал повесть «Мохнатые папахи» (о 1-й Мировой войне).

В 2014 году написал и подготовил к изданию в издательстве «АСТ» роман «Илария».

Кризис

Утром 31 декабря Валерий Петрович почувствовал себя плохо. Что-то испортилось в его мощном механизме, называемом телом. Жидкий солнечный свет последнего дня года осветил шторы. Он приподнялся на кровати, спустил ноги и въехал ступнями в остроносые ночные тапочки «а-ля султан». Боль, словно ненадолго задремавшая змея, тоже проснулась. Он подошел к окну и потянул за шнур. Точно следуя за его действиями, боль слегка сжала его торс. Валерий Петрович увидел за окном Москву-реку и Кремль, чуть запорошенный снегом. Кремлевская стена то уменьшалась, то увеличивалась в зависимости от терзавшей его непонятной хвори.

Он щелкнул пультом и в комнату ворвался голос диктора, твердившего про кризис, санкции, шалаву-Европу, поддерживающую их, и главного негодяя – США. Диктор выразил уверенность, что в новом году Россия легко преодолет эту проблему и даст сто очков вперед любым недоброжелателям. Да, на заснеженных просторах Родины бродил опасный монстр – кризис. «Интересно, – подумал Валерий Петрович, – каким бы показался этот коллапс из окна апартаментов в Париже, откуда открывался вид на Триумфальную арку, или из окна Нью-Йоркской квартиры, откуда была видна Статуя Свободы?»

Европа, которой он когда-то наслаждался, безвозвратно уходит в прошлое. Раньше он любил ее искусство, любил ее женщин, которые были очень обольстительны в своих коротких юбочках и без раздумий ложились в постель с каждым состоятельным мужчиной, он любил ее запахи кожи, хлеба и яблок, так напоминавшие о несокрушимом достатке. Он любил прогуляться по полутемным кривым улочкам старой Европы (что было абсолютно безопасно), любил осматривать музеи, памятники и древние здания, в которых после умной реконструкции вполне комфортно жили обыватели, любил посещать блошинные рынки, на которых отлично понималась история народа.

Но все изменилось. Европу заполнили смуглые гастарбайтеры с их гортанными головами и с другим пониманием жизни. На улицах стало небезопасно. Женщины стали носить бесформенные хламиды и рассуждать о сексуальных домогательствах. Геи стали открыто проводить свои карнавалы и митинги. Европейцев стали убивать за рисунки в газетах! Стало очевидно, что мультикультурализм провалился, а на его развалинах бродят ленивые, голодные и злые африканцы и азиаты, готовые дать пинок каждому, кто не поделится с ними или встанет у них на пути. Америка еще держится, но и там упадок налицо. Хорошо, что Валерий Петрович успел приобрести виллу на Хайнане, тропическом острове на юге Китая. Там из окна виднелось бескрайнее море, сиял белоснежный песчаный пляж. Там еще сохранился порядок и уважительное отношение к состоятельным господам, там вышколенная женская прислуга, которая ложится в постель, чтобы нагреть ее для хозяина, и не удивляется, когда ее просят остаться там на всю ночь.

Его размышления прервал телефонный зуммер. Валерий Петрович был консервативен и любил старые телефонные звонки, а не новомодную музыку на аппарате. Он резко повернулся и ощутил боль в подреберье. Он сделал несколько неуклюжих шагов и сильно ударился о картину, стоящую на полу, которую недавно прикупил у последнего фаворита своей дочери. Эту картину еще не повесили на стену, и называлась она «Кризис». На ней была изображена большая голая жопа, затянутая паутиной. Валерий Петрович считал себя меценатом и поддерживал молодых художников и поэтов, которые хороводились вокруг его дочери. В гостевой комнате уже висела одна картина этого художника. На ней была изображена обнаженная таитянка, ловко курившая сигарету своими вертикальными губками. Полотно называлось «No Smoking!» Дочь называла художника модным словом boyfriend и всячески продвигала его.

– Альфонс проклятый, жиголо сраный! – в бешенстве заорал Валерий Петрович и, ни на секунду не сомневаясь, что молодое дарование где-нибудь сперло сюжет картины, двинул острым носком тапочка в самую задницу прорвав полотно и отбросив картину к огромному во всю стену зеркалу

– Валерий Петрович, что случилось? Нужна ли помощь? – раздался из-за двери голос его «личника» – личного телохранителя Паши.

– Все в порядке, Паша, – он быстро взял себя в руки.

Боль утихла. Телефон кончил зуммерить. Он посмотрел на экран. Звонила жена с горнолыжного курорта в Альпах. Наверное, хотела сообщить, что не приедет встречать с ним Новый год. «Черт с ней», – подумал Валерий Петрович и не стал перезванивать. Появилась легкая испарина. Отношения с женой были хуже некуда. Она была алчной стервой. Жена открыто называла его «коррупционером», грозила «раскулачить» и, когда он угрожал выгнать ее из дома, орала: «Твой дом – тюрьма!». Положение казалось безвыходным. Валерий Петрович, государственный чиновник высокого ранга, не мог позволить себе развестись. Жена слишком много знала. Однако, когда Сам развелся, правила игры изменились. Его адвокаты уже полгода как готовили развод, успешно собирая компромат на пустившуюся во все тяжкие жену.

Как-то он прочел в книжечке, куда его помощник Васёк (несмотря на свои 50 лет, все звали его Васёк) записывал мудрые мысли, слова какого-то писателя Орловского: «Если бы можно было оказаться в объятиях женщины, не оказавшись в ее руках!». Это изречение понравилось ему. Последние годы Валерий Петрович успешно избегал рук хищниц. Однако в молодые годы наломал дров и совершил несколько роковых ошибок. Одной из них была женитьба на однокурснице, по случаю залетевшей от него. И только сейчас, в канун его 65-летия, ситуация стала разруливаться. Душа оказалась пуста. Ласки, которые Валерий Петрович, так или иначе, получал за купюры и дорогие подарки, изрядно опустошили и утомили его. Стал сказываться возраст. Хотелось любви. А любовь, как известно, за деньги не купишь.

– Валерий Петрович, завтрак! – раздался из-за двери голос Паши.

– Заводи.

Двери распахнулись, и в спальню в сопровождении телохранителя вошла горничная, толкая перед собой тележку с едой. На ней были свежесжатый апельсиновый сок, яйца вкрутую, ветчина, сыр, свежие помидоры, огурцы, булочка с маслом, красная икра и большая чашка некрепкого кофе с молоком. Все это немного пробудило аппетит. Необходимо сказать, что Валерий Петрович накануне изрядно «погулял» с коллегами в одном московском закрытом клубе и до сих пор не оклемался полностью. Поэтому и свою боль он связывал с перегрузкой организма и не придавал ей большого значения. Выпив для восстановления здоровья большую рюмку коньяка, он со вкусом позавтракал и решил заехать к дочери, поздравить с наступающим Новым годом.

Алкоголь несколько смягчил его грозные мысли о своем великовозрастном дитяти, и он почти с умилением подумал, что в своей необузданности она напоминает его, молодого. Подарок, новомодный золотой айфон с бриллиантами, он купил загодя.

Валерий Петрович уже почти оделся, когда внезапная интенсивная боль возникла в животе. Его стошнило. Однако вместо облегчения он почувствовал, как болезнь опоясала его тело и пыткой ударила в левое подреберье, ломая лопатку. Он закричал от нестерпимой муки и потерял сознание.

– У пациента воспаление паренхимы поджелудочной железы, или, попросту, панкреатит, – втолковывал врач быстро записывающему его слова Паше. – Его привезла наша «скорая» с диагнозом «острая сердечная недостаточность», но некоторые симптомы показали

нам характерными для панкреатита. После магнитно-резонансной томографии наш диагноз подтвердился. Панкреатит. Сейчас больной находится в кризисе, который продлится три-четыре дня. Мы сняли болевой синдром анальгетиками, спазмолитиками. Он уснул. Теперь надо ждать развития событий. Кроме того, у пациента алкогольная интоксикация. Поэтому, кроме препаратов, ключевой момент – это диета для обеспечения покоя поджелудочной железы. Если за четыре дня терапия не окажет должного эффекта, тогда переведем в реанимацию, где будем лечить согласно протоколу для тяжелого течения панкреатита. Мы сделали все возможное, несмотря на предпраздничный день, остальное – в руках Божиих... – устало вздохнул врач.

– Доктор, а это опасно? – в голосе охранника звучала тревога.

– Молодой человек, – проговорил мрачно врач, – поджелудочная железа – это орган, который выделяет очень агрессивный пищеварительный сок, который в состоянии переварить любой белок, в том числе и собственные внутренности. Поэтому смертность от панкреатита всегда была высока. Практически в 50 % случаев болезни она заканчивается летальным исходом. Это связано с тем, что данная патология очень трудно предсказуема и многовариантна. Кстати, эпизодически возможны резкие улучшения состояния. В этих случаях желательно присутствие родных. Больной должен чувствовать их поддержку. Это влияет на ход болезни.

– Я доложу, – тяжелое лицо Паши стало непроницаемым. – Сам же я буду дежурить в машине, около входа.

Первой Паша позвонил дочери, так как она находилась в Москве. Его сообщение было встречено отборной бранью. В трубке слышались звуки музыки и пьяные голоса.

«Видимо, уже перебрала виски, рано начав встречать Новый год», – сделал выводы телохранитель.

Жена шефа встретила сообщение невозмутимо.

– Он же находится в лучшей клинике Москвы. Ничего, выживет, он живучий! – вдруг с отвратительной жестокостью произнесла она и повесила трубку.

Валерий Петрович очнулся ночью. Он лежал на широкой кровати голый, покрытый простыней.

«В больницу попал, наверное», – подумалось ему.

Как всегда настороженно, сквозь ресницы, он оглядел палату (не палату, а двухкомнатную квартиру со всеми удобствами, где пребывание стоило 100 тысяч рублей в сутки). Царил полумрак. Чуть в стороне от его кровати стояла снаряженная капельница. Напротив виднелось кресло с сидящей на нем с поджатыми ногами женщиной в белом халатике. Мягкий свет ночника освещал ее миловидное лицо и каштановые волосы, спадающие прядями. Ей было лет сорок – сорок пять. Кожа на шейке уже пошла морщинами. Она была вся какая-то убористая. Открытое лицо, некрупная фигура, и в то же время чувствовалась жизненная сила. Видно было, что она задумалась, а ее щеки были мокры от слезинок.

– Кто ты? – неожиданно спросил Валерий Петрович.

Он уже давно «тыкал» всем, кто был младше него.

– Я? – женщина встряхнулась, спустила ножки на ковер и быстрым движением смахнула слезы. – Я медсестра операционного отделения, Наташа. Меня попросили подежурить у вас Новогоднюю ночь, и я согласилась.

– А как же муж, семья?

– Я всегда соглашаюсь дежурить, чтобы не идти домой, плюс две тысячи рублей – оплата за Новогоднюю ночь.

– Ты меня оплакивала?

– Что вы, ни в коем случае. С вами все будет хорошо. У вас немного увеличена поджелудочная железа. Наши асы-врачи прекрасно лечат эту болезнь. А плакала я над своей неудавшейся жизнью... Извините, этого больше не повторится. Как вы себя чувствуете?

– Прекрасно! Однако у меня тоже кризис, – признался Валерий Петрович. – Дочка, жена, три любовницы, толпа друзей... Где они? Посмотри под столом, может, там спрятались? Пока все хорошо – они с тобой рядом, сосут кровь, а когда плохо – нет их. Все люди – предатели...

– Я никогда не предавала, даже когда меня обижали.

– Скажи на милость, – усмехнулся он. – Отчего же тогда у тебя жизнь не удалась?

– Долгая история.

– А ты расскажи, легче будет.

Она покачала головой и бросила на него вопрошающий взгляд. Он улыбнулся ей ободряющей улыбкой.

– Ничего интересного. Все бабьи истории похожи одна на другую.

– Может, и так, но их концовки всегда разные, – загадочно сказал Валерий Петрович. – Ты еще молода, все можно исправить...

Ее рассказ, действительно, не был оригинальным. Родилась она на Урале, в рабочем поселке, около горы Магнитной. Собственно, это была уже не гора, в глубокий карьер, где сотни людей добывали железную руду. Работа была адская, а жизнь и того хуже. Поселковая больничка не справлялась с потоком увечных и больных. Смертность была выше всяких пределов. Когда умер отец, чтобы прокормить семью, в карьер отправилась мать. Наташа поклялась выучиться на врача и спасать людей. После окончания десятилетки уже чахоточная мать сказала ей: «Уезжай, Наташка, а то помрешь здесь или сопьешься». Дав на дорогу мешок картошки и десять рублей, мать благословила ее ехать в Москву.

В медицинский она с первого раза не поступила и стала работать нянечкой, а затем санитаркой в Склифе. Пахала там три года за нищенскую зарплату, жила в пристройке больницы, за койку платила завхозу. Каждый год поступала в институт и проваливалась, недобирала баллы. Наконец, на четвертый год поступила, будучи уже опытной медсестрой. Жила в общежитии. Учеба, а именно специальность, давалась легко, но латинский язык убивал больше усталости. Начали одолевать парни. Она всем отказывала, а одному однокурснику не смогла. Слишком хорошо он спел ей под гитару «Ты у меня одна...», и Наташка не выдержала. Через девять месяцев родился мальчик. Однокурсник оказался порядочным и женился на ней, в один день приведя в однокомнатную квартиру к своей матери жену и сына. Сначала все было ничего, но теснота душила. Свекровь запивала ее, а муж стал потихоньку пить и бросил институт. И потащила она этот воз одна...

Пришлось уйти с четвертого курса. Она с легкостью окончила ради диплома курсы медсестер и стала зарабатывать деньги. Они все уходили на сына, мужа и свекровь. Наташа работала на трех работах, и все было мало. Наконец один профессор, у которого она когда-то училась в мединституте, сжалился над ней и взял с собой в престижную московскую клинику, где она выполняла любую работу четко, аккуратно и профессионально. Ею были довольны. Жизнь, казалось, начала налаживаться, но после восьмого класса её сын пристрастился к наркотикам. Пришло большое горе.

«Родила ублюдка!» – кричала ей свекровь.

«Чтобы каждый день была бутылка!» – требовал муж.

Она устраивала сына на лечение, платила большие деньги, тот прекращал колотиться, но через некоторое время начинал снова. Жить стало совсем невмоготу. В это время заведующий отделением и предложил ей подежурить у постели больного в Новогоднюю ночь...

– Вот и вся история моей жизни, – подытожила Наташа, – очень простая история.

Валерий Петрович вдруг подумал о том, что эта женщина – святая (другая бы давно бросила дебильную семейку) и что он, никогда не испытывавший любви и такой преданности, должен схватиться за Наташу, как утопающий хватается за соломинку. Он ясно осознал, что жизнь прошла и он почти обречён. Чтобы спастись, ему нужна только она, эта несчастная и святая медсестра. Только она может вытащить его из пропасти, куда он попал.

– Я ведь никогда не любил, – сказал он глухо. – Всегда относился к женщинам как к сексуальным игрушкам. Наверное, Бог наказал меня за это.

– Бог не наказывает, он испытывает. Если вы выдержали испытание, тогда достойны любви, – ответила Наташа.

Валерий Петрович неожиданно для себя всхлипнул и безмолвно заплакал, закрыв краем подушки лицо. Наташа подошла, поправила подушку и вытерла салфеткой его щёки.

«Какой он, в сущности, несчастный», – подумалось ей.

– Ты жалей меня, не люби, жалей, – Валерий Петрович обнял её и притянул к себе. – Ляг со мной и жалей, только жалей, иначе я умру.

Они долго лежали рядом в молчании, она гладила его волосы и жёсткое лицо, словно стараясь сделать его добрее. Он прижался губами к её губам. Не целовал, а только прижался, но она задрожала. Видно было, что у неё давно не было мужчины.

– Наталия – в переводе значит «родная». Будь мне родной, – голос Валерия Петровича изменился, – не отталкивай меня...

Он расстегнул её халатик.

– Ты носишь чулки?..

– Так дешевле, – сконфуженно призналась Наташа.

Он стал целовать её морщинки на шее, словно стараясь стереть их, и с каждым поцелуем она становилась всё желаннее.

Валерий Петрович наслаждался её смущением. Он осторожно раскрыл её словно морскую раковину неожиданно обнаружив в глубине настоящий жемчуг. Наташа застонала.

– Какая ты уютная внутри, – прошептал он ей на ушко. – Нет больше таких женщин – ты единственная осталась. Для меня...

Валерий Петрович был опытным мужчиной и знал, что любовь – прежде всего борьба за первенство. После первой близости становится ясно, кто стал рабом – мужчина или женщина. Он также понимал, что встреча с Наташей – его последний шанс изменить свою жизнь. Он уже хотел, чтобы эта женщина осталась с ним до конца дней. Он уже хотел, чтобы она любила его, а не жалела, и он сделал всё, чтобы Наташа наслаждалась близостью с ним.

Неожиданно она вскрикнула и как бы стала уменьшаться в размерах, будто из неё выпустили воздух. Она лежала совсем маленькая, положив голову ему на грудь и, казалось, не дышала.

– Что случилось, моя девочка? – едва слышно спросил Валерий Петрович. – Что с тобой?

– У меня так было всего один раз в жизни. Я думала, что больше никогда не испытаю такого сладкого счастья. Вы подарили мне рай. Я опять хочу жить. Вы – моё блаженство...

Это «вы» звучало иначе, чем то «вы», которым она вначале ответила ему. Это «вы» относилось не к возрасту и не к положению, это «вы» относилось к нему как к мужчине, которого она безоговорочно признавала своим господином.

Внезапно Наташа встала на колени и, как бы в благодарность, а может быть, действительно в благодарность, вылизала его всего, как тигрица вылизывает своего тигрёнка. Валерий Петрович понял, что победил, и теперь восторгался, глядя на покорённую, по-матерински вылизывающую его женщину. Он завоевал её. С этого часа и до скончания дней она принадлежит только ему...

– Господь услышал мои молитвы, – спокойно произнёс Валерий Петрович, – и подарил тебя.

– Нет, что вы, кто я такая? – прошептала она влюбленно. – Это я вымолила вас у Бога. Они лежали ещё часа два, и он рассказал ей о своих планах.

– Мальчишку твоего я вылечу есть связи. Затем определю его к монахам, в монастырь. Пусть поживёт и поработает там. Его необходимо оторвать от компании, перевести в другую среду. После излечения будет жить в монастыре на правах послушника года три-четыре, а там посмотрим. Навещать его придётся только раз в полгода. Чаше нельзя. Тебя я переведу на другую работу. Будешь сестрой-хозяйкой в нашей госрезиденции на Валдае. Работёнка хлопотная, но ты справишься, я уверен. У меня вертолёт стоит в ангаре в Мячиково. Буду прилетать к тебе каждые выходные и праздники. Нам нужен год. За год я разведусь с женой, а ты – с мужем. Я помогу, никто и не пикнет. Через год я выйду в отставку, и мы уедем на Хайнань.

– Где это?

– В Китае, у меня там вилла. Согласна? – спросил он, усмехаясь.

– Как скажете, – она восхищённо глядела на него.

Потом Валерий Петрович захотел её опять.

– Вам нельзя, может ухудшиться состояние, – Наташа мягко отстранила его. – Скоро придёт утренняя смена, я вам сделаю укол, и вы заснёте. Я приду через два дня и, если не забудете то, что говорили, тогда я соглашусь окончательно.

– За кого ты меня принимаешь? – обиделся Валерий Петрович. – Я полюбил тебя и зову не в любовницы, а хочу, чтобы ты стала моей возлюбленной женой...

Во время этой бурной реплики Наташа ловко сделала ему сильнейший укол, и через три минуты Валерий Петрович уже спал как младенец. Поцеловав его в лоб, Наташа быстро сдала смену и бегом выскользнула из клиники.

Около входа она увидела длинный лимузин и стоящего возле машины молодого, крепкого человека в чёрном костюме и чёрном пальто, жующего бутерброд.

– Здравствуйте, я телохранитель Валерия Петровича, Паша. Вы ведь дежурили в его палате? Как он чувствует себя?

– Всё неплохо. Ночью больной чувствовал себя хорошо. Сейчас я сделала ему укол, прописанный врачом. Он снова уснул. Думаю, его обязательно вылечат.

– Спасибо, – Паша посмотрел ей вслед.

Эта медсестра была удивительно привлекательна. Ни единой морщинки, какая-то чувственная женственность, казалось, смешалась в ней с неброской красотой и сделала её неотразимой.

«Бывают же такие, – вздохнул холостой Паша. – Повезло её мужу!»

Через два дня, словно на крыльях, Наташа впорхнула в клинику. Быстро накинув халатик, она побежала в палату Валерия Петровича. Дверь была открыта. В палате санитарка застилала постель свежим бельём и делала уборку.

– А где больной? – удивлённо спросила Наташа. – Перевели куда-то?

– Умер больной. Не пережил кризис, говорят, начался некроз тканей. Наши врачи ничего не смогли поделать, – ответила та, не оборачиваясь. – Сейчас вскрытие проводят.

У Наташи закружилась голова, она еле дошла до ординаторской, вдруг упала и стала биться головой о пол, по-волчьи воя и крича: «Почему он, почему не я? Это несправедливо!», пока прибежавший дежурный врач не вколол ей гремучую смесь нитразепама.

Беда не приходит одна. При вскрытии тела Валерия Петровича выяснилось, что незадолго до смерти у него было половое сношение. И, хотя это не было причиной летального исхода, Наташу безжалостно уволили.

Постепенно она опустилась и стала пить вместе с мужем и свекровью. Сын стал законченным наркоманом и продал всё из дома. Как-то, в пьяном угаре, она рассказала мужу, почему её выгнали из клиники. Теперь, напившись, муж лупил её кулаками куда попало и орал: «Нагулялась, иди доставай ещё бутылку!» – и выгонял из дома.

Она стала просить милостыню. Как-то около метро она наткнулась на молодого, крепкого мужчину.

– Милок, дай рублик на опохмел, – попросила Наташа.

Паша, а это был он, хотел было пройти мимо, однако профессиональная память не подвела, и с огромным трудом, но он всё-таки узнал медсестру, которой так восхитился год назад. Перед ним стояла беззубая старуха с ввалившимися щеками, лицо её было испещрено глубокими морщинами, вся в синяках, взгляд бессмысленный... Он в ужасе бросил ей тысячу рублей и побежал прочь, не разбирая дороги.

Когда она принесла водки, в квартире опять началась пьянка, которая продолжалась три дня. Потом муж, Наташа и свекровь заснули кто где тупым, диким сном.

А что ещё делать нищей старухе в кризис? Только спиваться.

Юрий Никитин

Юрий Анатольевич Никитин – русский писатель, драматург, публицист. Родился, живет и работает в Астрахани.

Член Союза писателей СССР с 1986 года, участник Всесоюзного съезда молодых писателей (1984 г., Москва), Всемирного конгресса русскоязычной прессы (2000 г., Нью-Йорк) и Всемирного съезда P.E.N. Club (2000 г., Москва). Автор семи книг художественной прозы, трех пьес и множества публицистических статей.

Всесоюзную известность ему принесли повесть «Голограмма» (1986 г.), роман «Выкуп» (1990 г.), а также рассказы, изданные массовыми тиражами «Молодой гвардией».

Критика в целом благожелательно отнеслась к творчеству Юрия Никитина. Евгений Сидоров назвал его стиль «форсистым» (силовым, напористым), Владимир Орлов отметил, что он «не провинциален, как бывают провинциальны, а стало быть, и вторичны в смысловом и событийном отношении в своих работах иные литераторы, в том числе и столичные».

Вячеслав Шугаев в статье «Насмешливо, зло, остроумно...», предваряющей роман «Выкуп», поставил произведения Ю. Никитина в один ряд с «Пушкинским домом» А. Битова, включив их в число немногих книг, «...сообщающих нам современные способы борьбы с рабством, с засилием духовной и гражданской уравниловки, приобщающих нас, позволительно сказать, к технологии сопротивления».

Добрые слова были сказаны также Даниилом Граниным и Юрием Бондаревым, который встал на защиту астраханца в достаточно драматичный период его жизни и творчества, когда в сентябре 1986 года в «Литературной газете» вышла статья за подписью Ю. Рыбакова «Купание под душем в номере 108», посвященная первой книге Юрия Никитина «Голограмма».

Статья занимала почти половину третьей полосы, что само по себе было необычно для отклика на писательский дебют. Собственно, это была больше идеологическая, чем литературная статья. Автор по сути усмотрел в публикации «Голограммы» идеологическую диверсию и задавался вопросом, почему издательство ЦК ВЛКСМ вместо того, чтобы воспевать рабочего человека, строящего БАМ, представляет советской молодежи сомнительную личность, шляющуюся по америкам в обнимку с морально неустойчивой импортной девицей, курит-пьет, да еще купается с ней под душем в номере 108. Разумеется, этот вопрос был услышан и в ЦК, и в компетентных органах. Началась возня, которая вполне могла поставить точку на дальнейшем творчестве идейно незрелого автора. И поставила бы, если бы в ситуацию не вмешался один из руководителей писательского союза, авторитетнейший Юрий Бон-

дарев. Перестройка была в самом зачаточном состоянии, и некоторые зарубежные радиостанции увидели в издании «Голограммы» еще один намек на скорые перемены в Советском Союзе.

В 1999 году выходит новая книга Юрия Никитина «Укромье ангела», удостоенная Артийской профессиональной премии в области литературы. В книгу включены большой роман «Взыскующее око» и психоделическая новелла, давшая название изданию. Также в этом году он получает премию Третьяковского за книгу «Чудная ночь в начале июня» и ее же – спустя три года – за «Укромье ангела».

Из романов, написанных автором в последние годы, следует отметить гротескно-сатирическое произведение «Свистун Холопьев» (роман стиля) и мистический триллер «День, когда мы будем вместе».

Зарубежному читателю творчество Юрия Никитина знакомо в основном по рассказам в различных сборниках, переведенным на основные языки.

Из трех пьес («Вариации на тему драки», «Господин Гап и голубка», «Грязный старикашка») пока поставлена первая.

Как публицист Ю. Никитин часто печатается в «Литературной газете», которая после скандальной статьи про купание в душе ровно через год, ровно на том же месте той же полосы, поместила внушительных размеров фотографию «неблагонадежного» автора, тем самым как бы принеся извинения за статью Рыбакова. Широкий отклик у читателей нашли такие публикации астраханского писателя, как «Галоши для La Scala», «Душа и тело. История развода», «Астраханщина», «Выдь на Волгу...», «Дети – наше будущее. Если они до него дохромают» и др.

Увлекается спортом (баскетбол, теннис) и музыкой (классический американский джаз, старинные русские песни и романсы).

День, когда мы будем вместе (окончание)

Глава двадцатая

Трудно в это поверить, но те сто метров, что отделяли кабинет Перчатникова от Агнешкиной палаты, я преодолел без всякого волнения, будто шел к приятелю, которого выпи-сывали из больницы после профилактических процедур. Я даже что-то насвистывал, пока профессор не сделал мне замечание, волнуясь, верно, о том, что у меня денег не будет.

Внизу нас ждал Антип-часовой и милашка-дежурная, которой я сделал какой-то сомни-тельный комплимент, отчего она лишь доброжелательно сморщилась.

– Значит, так, Тимофей Бенедиктович, – начал торжественно Перчатников, и Антип тотчас поднялся со стула. – Вы сейчас зайдете в эту комнату, и чтобы вышли вскоре из нее с Агнешкой на руках. Задача ясна?

– Ясна, фельдмаршал! – отапортовал я.

Отродясь у меня не было такого жизнерадостного настроения, как теперь. Будучи по натуре человеком сдержанным, я всегда стремился к ровному, бесстрастному, в библейском смысле равнодушному отношению ко всему сущему, и даже выработал в себе стойкое непри-ятие всякого рода радостных чувствований, но здесь меня словно подменили – я ликовал в душе своей!

Антип церемонно открыл передо мной дверь, и я вошел в райские кущи. Ангел мой стоял у окна, обхватив себя руками (я сразу же вспомнил эту ее излюбленную позу, кото-рой она обычно выражала неудовольствие), и, привычно склонив набок голову, смотрела на меня. Одетая она была в голубое поплиновое платье и в черные кожаные сандалии – я был в

свое время представлен и платьем, и обувке. Но вот ее правая рука медленно поползла вверх и знакомо припечатала рот.

Я хотел сказать: «Здравствуй, Аги!», но голос мой вместе с рассудком покинули меня. Зато я видел и слышал! Видел, как эта несносная девчонка, стоявшая у окна, отнимает руку ото рта, и слышал ее чуть хрипловатый (но ее!) голос: «Тим, почему они сказали, что ты подурнел? Ты даже и не очень постарел». «Это ты просто так говоришь, – вдруг услышал я свой голос. – Ты же вежливая девочка, поэтому щадишь меня». «Нет, Тим, это я постарела и подурнела, да еще в этой одежде. Не смотри на меня». «Я там купил тебе кое-что по мелочи: бельишко, платишки, еще какие-то смешные сандалии – как у этих, помнишь, римлянок с не очень хорошим поведением. Может, пойдем ко мне, примеришь?» Она улыбнулась, покачивая головой, и сказала: «Какой ты *милый*, Тим! Иди ко мне, мой *старичок*, иди ко мне, мой Тим!» Я двинулся к ней, как робот, получивший команду, и, подойдя, сказал: «Здравствуй, Аги! С возвращением, любимая». Она тотчас запрыгнула на меня и, подобно маленькой обезьянке, обхватила руками шею, а ногами туловище и, уткнувшись лицом в мой кадык, зарыдала громко и протяжно. Мне было трудно дышать, но я не переменил позу, поддерживая ее тельце дрожащими руками. Тихие слезы текли из моих глаз и капали ей на шелковистые волосы, которые я ласкал губами, что-то еще при этом шепча...

Выход наш был триумфальным. Как и было велено, я вынес Агнешку на руках под аплодисменты встречавших, которые к тому же раздобыли где-то цветы и шампанское. Я хотел даже пошутить по этому поводу, мол, как новорожденную в роддоме встречаете, но вовремя сообразил, что по сути так оно и было. Профессор Перчатников сказал пламенную речь, Антип стрельнул в потолок пробкой от шампанского, а симпатичная медсестричка зашмыгала носом и полезла в карман белоснежного халата за платком.

Мы выпили по глотку, и с овациями отправились домой. На лестнице между первым и вторым этажами Агнешка, дотопле молча, с закрытыми глазами прижимавшаяся к моей груди, вдруг распахнула свои прекрасные очи и спросила, часто моргая:

– Тим, у тебя есть *хорошее* зеркало?

– Что значит – хорошее? – не понял я. – Есть просто зеркало в прихожей. А хорошее – это какое?

– А такое, в котором я буду выглядеть молодой и красивой, – ответила Аги, щелкнув мне по лбу. – Ты знаешь, сколько мне теперь лет?

– Нет, не знаю, – сказал я. – Мне-то что до этого? А зеркало, про которое ты говоришь, у меня тоже есть. Оно во встроенном шкафу в гостиной. В нем ты будешь выглядеть, как тогда, много-много лет назад.

Я поначалу хотел назвать точную цифру, но язык у меня не повернулся – уж больно тяжелая это была цифра...

– Ну и чудненько! – сказала Аги. – Давай, шевели ногами, старичок!

У двери пришлось опустить ее на пол, и она, войдя и окинув быстрым взглядом номер, спросила:

– Мы будем здесь одни?

– Нет, – ответил я. – Здесь будут еще две очень сексуальных медсестры. Когда ты заснешь, они переключатся на меня.

– Ты все такой же, – удовлетворенно произнесла она и шагнула в гостиную. – Где твоё *хорошее* зеркало?

Я указал ей на шкаф, и прежде чем подойти к нему, она глубоко вдохнула, потом быстро выдохнула и шагнула в неизвестность.

То, что я лицезрел следом, трудно передать словами. Однажды я наблюдал за котенком, который впервые увидел свое отражение. Он вздыбливал шерстку, выгибал спину, шипел на самого себя, потом отходил в сторону, не отводя взгляда от странного существа, вновь

приближался и вытворял все то же самое. Не могу сказать, что Агнешка что-то вздыбливала, выгибала или, чего доброго, шипела, но ее реакция и связанные с этим эмоции весьма напоминали поведение пушистой симпатяги. Закончилось все тем, что она снова заревела и бросилась ко мне.

– Тим, я правда осталась прежней? – спросила она меня, задрав голову.

– Ты же видела, – кивнул я на зеркало. – Ты теперь даже лучше прежней.

Агнешка встала на цыпочки и, закрыв глаза, потянулась ко мне губами. Я так и не научил ее целоваться, или она все позабыла за тридцать лет. Рот ее снова открылся, и когда я вошел в него языком и попытался пощекотать ей нёбо, она задрожала и издала стон, который я уже не раз слышал прежде. Потом я силой оторвал ее от себя и сказал:

– Профессор рекомендовал в первый день воздержаться от возбуждающих ласк.

– Уф! – передернула она плечами. – Какой он дурак, этот твой профессор! А как здорово ты сделал мне сейчас! Ты раньше ведь так мне не делал?

– Нет, – подтвердил я. – Есть много такого, чего я не делал.

Она зыркнула на меня и отвернулась. Мне показалось, что она снова расплечется по известной причине, о которой я не собирался заговаривать первым, поэтому подошел и обнял ее сзади.

– Тебе не хочется примерить кое-какие наряды, моя радость? – спросил я, целуя ее в шею.

– А где они? – раскачиваясь, поинтересовалась Агнешка.

Я открыл шкаф и одну за другой достал обновы. Первым делом она ухватила за коробку с бельем, быстро открыла ее и стала перед зеркалом прикладывать содержимое к себе.

– Откуда ты узнал, что черный цвет – мой любимый? – спросила она, продолжая вертеться у хорошего зеркала. – Я ведь тогда не носила черного...

– Ну, как всякий старый развратник... – начал я, однако она не дала мне договорить.

– Ужасно люблю старых развратников, которые дарят мне французское белье, – сказала вертихвостка, строя рожицы своему отражению. – Тим, а эти розы для меня? А почему их так много? Девятнадцать роз? Тим, ты хочешь сказать, что мне сейчас девятнадцать лет?

– Это случайность, – ответил я. – Просто взял охапку, а в ней оказалось девятнадцать штук. Могло бы оказаться и сорок девять.

– Нет уж! – сказала Агнешка. – Сколько есть, столько и нужно. Не напоминай мне больше о возрасте.

– Я тебе напоминаю?!

Но она уже тем же способом примеривала платье и крутилась при этом как юла. Потом она, прогнав меня на террасу, надевала все, как положено, и приглашала поочередно к осмотру. Я смотрел на все это и слабел на глазах, ожидая, что вот-вот рухну. Белье она приберегла к финалу. Чтобы хоть как-то взбодрить себя, я сказал:

– Надеюсь, в завершающем выходе не будет ничего эротического?

– Вовремя ты мне об этом напомнил! – засмеялась Аги. – Иди туда и не подглядывай.

Я вернулся на террасу и, облокотившись на перила, постарался хотя бы предварительно осмыслить произошедшее, но мозги мои отказывались сотрудничать со мной, пребывая в благодатной дреме, и все попытки заставить их проанализировать момент оканчивались ничем. Вскоре я услышал призывный зов из гостиной и обернулся на него.

Боже, как хороша она была! Я не большой знаток женского белья, но глядя теперь на Агнешку, понял, почему дамы всех возрастов придают ему такое преувеличенное значение. На ней и было всего ничего, лифчик с трусиками да чулки в резинку, однако они преобразили ее до неузнаваемости, чему немало способствовали и черные «лодочки» на высоченной шпильке.

– Ну, знаешь, – сказал я, – для такого старого пня, как я, это зрелище слишком опасно. Или ты хочешь побыстрее сжить меня со света и завести себе молодого приятеля?

– Это и все, что ты мне хочешь сказать? – разочарованно протянула она.

– Не все, – ответил я, прогуливаясь вокруг нее. – Главное я сообщу тебе ближе к ночи, когда тени станут длиннее, а воздух наполнится пением цикад.

– Тим, я ничего не поняла, – сказала она растерянно. – Какие тени, что за цикады? Хотя, ладно... Только смотри, не забудь!

Я помогал ей переодеваться. Стягивал аккуратно и неспешно чулки, предварительно сняв с нее туфли. В былые времена этот мой подвиг завершился бы, не успев начаться, а теперь я возбуждался так же медленно, как снимал с Агнешки чулки. Признаться, меня это несколько раздражало и даже мешало получать удовольствие от мимолетного соприкосновения с Агнешкиным телом. Кожа ее была нежной и бархатистой, с теми же двумя белесыми полосками на груди и бедрах.

– Тим, ты всегда теперь будешь таким... хорошим? – поинтересовалась она ласково, стоя передо мной почти что голой.

Я пошел на террасу и оттуда ответил:

– Профессор предупредил, что без особой нужды...

– А если у меня есть такая нужда? Может быть, сходишь к профессору и попросишь у него разрешение? – столь же ласково продолжила Аги.

– Вечером, дорогая, все вечером, – торговался я.

– Ладно, – согласилась нехотя она. – Кажется, ты что-то обещал сообщить мне ближе к ночи? Тогда и я расскажу тебе кое-что...

– Одевайся, – сказал я.

– Чертова кукла! – вспомнила она с улыбкой. – Ты забыл добавить: «чертова кукла». Как я смеялась тогда, услышав это!

Я сказал, что помню, хотя эпизод напрочь позабыл. А вот сами слова вспомнил и смех ее – тоже. Напряжение спало, и мы начали готовить обед. Собственно, готовил его я, да и то – как готовил? Доставал из холодильника банки, склянки, вакуумные упаковки, коробки, открывал их и содержимое раскладывал по тарелкам.

Агнешка сидела на тахте и, болтая ногами, молча наблюдала за мной. Но вскоре молчание ее прервалось.

– Тим, ты что – принимаешь лекарства? – спросила она, показывая на любовное снадобье, подаренное мне Антипом, которое я забыл убрать со столика.

Чертыхнувшись про себя, я ответил:

– Это гомеопатический препарат для сердечной мышцы. Я все же не мальчик, а с учетом тех нагрузок, которые ты мне грозишь обеспечить... Кстати, надо принять.

Пока я запивал капсулу водой, Агнешка уже придвинулась ко мне и доверчиво глядела на меня. Нижняя ее губа, моя любимица, наехала на верхнюю, и казалось, что скоро снова заморосит.

– Тим, ты болен? – тихо спросила она. – Ты не можешь болеть, Тим! У меня, кроме тебя, никого не осталось. Я все знаю и про своих родителей, и про тетю Ядвигу, и про Гжегоша, и про Лидию... Ты не должен оставить меня одну, Тим! Так нечестно. Мне хочется плакать, Тим.

– Плачь, – сказал я. – Только ты должна знать, что я люблю тебя больше всего на свете и сделаю все, чтобы ты была счастливой.

Я ожидал, что вот теперь разверзнутся хляби небесные и потекут реки слез, но Агнешка лишь дотянулась до меня и слегка прижала свои губы к моим. Потом она шлепнула меня по руке и начала выкомаривать какой-то папуасский танец с задиранием ног и воин-

ствующими возгласами. Спустя секунд десять я присоединился к ней и вскоре стал главным папуасом...

За обедом она сидела у меня на коленях, и я кормил ее из своих рук. Я даже влил в нее граммов пятьдесят бренди, тут же, впрочем, пожалев об этом, потому что и своего баламутства у нее было не меньше, чем на поллитра. Ела и пила она с аппетитом, относительно смирно сидя со слюнявчиком на моих коленях, и иногда, вытерев губы, чмокала меня то в одну, то в другую щеку. В эти минуты я ощущал себя отцом и даже желал максимально продлить это дивное чувство. То главное, чего я был лишен в жизни, катившейся уже под гору, оказалось настолько сладостным, что я уже не знал определенно, какую роль выбрал бы для себя, коли возникла проблема выбора – Агнешкиного отца или все же мужа.

К вечеру первый акт был завершен. Мы с Агнешкой переоблачились в халаты – у нее был светло-голубой, а у меня насыщенно-коричневый. Я уже с полчаса сидел за фортепьяно и пускал в расход весь свой репертуар, единственная же моя слушательница и почитательница после каждой композиции создавала такой восторженный шум, что человеку, стоявшему в прихожей, могло представиться, будто в гостиной по меньшей мере человек пять. Когда я объявил перерыв, она сама налила мне бренди и поднесла с глубоким реверансом.

Я был счастлив. Если бы меня спросили, отчего, то ответ мой был бы короток и прост: от всего. Агнешка преобразила весь мир вокруг меня, наполнила его смыслом, добавила красок, обострила и разнообразила чувства. За день-другой до ее появления думалось: как бы это тайно приглядеться к ней, совместить ее облик с обликом той давней и, казалось, навсегда утраченной Агнешки. Теперь в этом не было нужды. Чем больше я смотрел на нее не исподволь, а прямо и неотрывно, чем чаще слышал ее милый, словно слегка простуженный голосок, – тем сильнее убеждался в том, что свершилось чудо из чудес. И если даже это была не она, то, безусловно, ее *к о н и я*, говорил я себе, теща самолюбие моего гундосого оппонента, который, похоже, рвал и метал внутри меня.

– Ты стал играть намного лучше, – сказала Аги, устроившись на полу у моих ног. – Ты и раньше играл хорошо, но теперь еще лучше. Ты вообще такой талантливый и импозантный, Тим...

– Эй, там внизу! – крикнул я, сложив ладони рупором. – Хватит нахваливать меня, я не женщина. Я грязный старикашка, как назвала меня недавно одна дама.

– А что такое «грязный старикашка»? – подняла глаза Агнешка. – Это старый человек, который не имеет возможности мыться каждый день? Но ты ведь не старый человек и принимаешь душ...

– Нет, милая моя защитница, – сказал я, целуя ее в лоб. – Грязный старикашка – это тот, у кого в голове грязные мысли, в основном, сексуального характера. Вот смотрит такой грязный старикашка на молодую женщину вроде тебя и думает, как бы ее поскорее в постель затащить.

– А ты об этом, конечно, не думаешь? – хитро прищурившись, поинтересовалась Аги.

– Почему не думаю... – начал оправдываться я, но тотчас был остановлен вполне логичным выводом мой овечки.

– Значит, тебя правильно назвали грязным старикашкой, – вздохнула она, отодвигаясь.

Я потянулся за ней и свалился на пол, а она тут же оседлала меня и стала щекотать, сама заливаясь при этом смехом. Рука моя нырнула под ее халат, но, не успев произвести там переполоха, была остановлена и выдворена.

– Не сейчас, Тим, – перестав смеяться, тихо произнесла Агнешка. – Мне еще надо тебе кое-что сказать.

Она поднялась и села в кресло. Потом взяла бутылку «Плиски», налила немного и медленно выпила, закусив лимоном и долькой шоколада. Было заметно, что настроение у нее переменялось, и я сказал, обняв ее ноги:

– Расскажи дедушке, что там у тебя стряслось?

– Дедушке бы я этого не рассказала, а тебе расскажу, потому что это будет нечестно, когда ты сам обо всем догадаешься, – сообщила она, отнимая у моих рук свои ноги. – Сядь, пожалуйста, рядом со мной и не смотри на меня.

Я не стал задавать уточняющих вопросов, сел на тахту и принялся разглядывать ее ноги в смешных гамашах.

– Прости меня, Тим, – услышал я ее голос, который можно было бы назвать официальным по интонации, если бы он не вибрировал едва заметно. – Я когда-то говорила тебе, что ты будешь у меня первым...

Произнеся это, она замолчала, будто собиралась дальше прочитать стихотворение, но забыла начальную строку. Я тоже молчал, продолжая изучать гамаша. Мне было известно, о чем она поведает дальше. Об этом в свое время поставил меня в известность профессор Перчатников, но я молчал, полагая, что моя осведомленность в таком деликатном вопросе, если я о ней объявлю, не даст ничего хорошего. Вместо этого я приподнял Агнешку из кресла и усадил к себе на колени. Она сразу же уткнулась в мою грудь и тихо заплакала.

Я не утешал ее. Эти слезы были благом для нее. Вместе с ними уходили давнишние боль и отчаяние, теперь уже по сути фантомные, но все еще терзавшие этот теплый комочек, который я бережно держал в своих руках.

Она успокоилась вскоре. Оторвав заплаканное лицо от моей груди, Аги, от безутешного вида которой у меня сжималось сердце, наконец-то сказала, глядя мне в глаза:

– Я обманула тебя, Тим. Первым был не ты, а...

– Пан Гжегош?

– Нет, – мотнула она головой, – не Гжегош, хотя он очень этого хотел. Это был Пламен.

Ошибочка вышла, подумал я, по странности злорадно. Этот-то как умудрился все сделать по-взрослому, и когда? Я не хотел задавать ей никаких дополнительных вопросов. Только теперь я ощутил какое-то свербящее раздражение на всех подряд: и на Пламена, и на Агнешку, и на самого себя... Конечно, уязвлено было мое мужское самолюбие, и пусть этой драме было тридцать лет, признание Агнешки лишь разбредило рану, которая, в отличие от самой драмы, была куда свежее.

Она рассказала все сама. Перед этим она попросила сигарету и очень обрадовалась, узнав, что я бросаю курить. Тем не менее, в поход за куревом она меня снарядила, и пришлось спускаться к магистрали, где находился ближайший магазинчик.

Агнешка внимательно изучила пачку «Мальборо», блок которых я купил в память о прежних днях, и, удовлетворенно кивнув, закурила. Я ждал, что разглядывая пачку, она напомнит мне о кишиневской «Америке», от которой они с Лидией воротили нос, но она тактично промолчала, хотя я и без этого все понял.

История с грехопадением выглядела так. Мерзавка Лидия, узнав от своих высококонравственных соплеменниц о наших с Аги прилюдных поцелуйчиках и прочих невинных нежностях, рассказала ей о том, что спала со мной уже не раз и попросила оставить меня в покое, потому что якобы надоела мне своими приставаниями. Разъяренная Аги пошла искать меня в том числе и в баре у Пламена, где в конце концов здорово набралась и лишилась своей гордости на хорошо известном мне топчане в бендежке у бара. Ничего, кроме боли, она не чувствовала, да вдобавок ее вырвало. За время рассказа она выкурила подряд две сигареты и, замолчав, вопросительно глянула на меня.

Хотя новость ее таковой для меня не являлась, я все же был подавлен. Более всего меня угнетал топчан, покрытый какой-то рогожкой, на котором накануне я отлежал себе бока. Я даже представил на миг, как сопляк с перекачанной шеей, которую заранее следовало бы ему свернуть, грубо тиская пьяную гостью, укладывает ее на этот чертов топчан, прилаживает трясущимися руками чертову резинку на свою чертову морковку и, помогая себе руками,

входит в Агнешку, несмотря на ее сопротивление и болезненные стоны. Почему-то я решил для себя, что она противилась соитию. Впрочем, причина такого моего решения лежала на поверхности: мне удобнее было считать *это* насилием, чем добровольной сдачей неприступной прежде крепости.

Раздумья мои закончились тем, что я вытащил из пачки сигарету и закурил. Раздражение было, видимо, столь сильно, что я даже не поморщился от неприятного табачного привкуса во рту, от которого уже давно отвык. Агнешка несколько раз порывалась молча выхватить у меня сигарету, в результате чего я поднялся и принялся ходить по гостиной.

Я не ожидал от себя такой реакции. И чем больше я пытался внушить себе, что это все меркнет по сравнению с возвращением

Агнешки, тем отчетливее проявлялись в моих глазах и убогая бендежка, и топчан с рогожкой, и распростертая на нем моя не вязавшая лыка Аги, бормотавшая что-то неразборчивое с идиотским смешком, покуда ей не стало больно и противно...

Не докурив сигарету, я изничтожил ее в пепельнице и глянул на Агнешку. Она сидела на тахте, положив руки на колени, и смотрела перед собой с той безучастностью, с какой обычно смотрят слепые. Этот ее жалкий и беспомощный вид излечил меня моментально, заставив позабыть обо всем, что совсем недавно отравляло радость бытия. Я сел рядом с сироткой и вновь возвратил ее на свои колени...

Те, кто, черпая познания из любовных романов, предположил, что засим последовала бурная сцена жарких объятий, страстных поцелуев с одномоментным срыванием халатов и столь ожидаемой логической развязкой, сильно ошиблись, ибо ничего подобного не было и в помине, а было тихое, безмолвное сидение с редкими робкими прикосновениями моих губ к ее шее и волосам.

– Прости меня, Тим, – не поднимая головы, сказала она спокойно в какой-то момент. – Если сможешь, прости...

Эта ее просьба застала меня врасплох. Я хотел ответить ей как-то весомо, солидно, значимо, но вышло все наоборот.

– Да ладно, – сказал я. – Ты же знаешь, что я не люблю девственниц, а теперь, как всякая нормальная тетка, можешь смело записываться ко мне на прием.

Она оторвалась от меня, удивленно глянула и слегка шлепнула ладошкой по щеке. Даже не шлепнула, а скорее обозначила пощечину – ну, как бы сугубо для соблюдения проформы: мол, сказал даме нечто непотребное – получи по физиономии.

– Значит, как всякая? – напустила она на себя праведный гнев. – И под каким номером я, интересно, там окажусь?

– Ты пойдешь вне очереди, как будущая жена, – выкрутился я.

Она уж было хотела продолжить нашу шутивную пикировку, но замерла вдруг с полукруглым ртом, часто при этом моргая глазами.

– Ты собираешься на мне жениться, Тим? – спросила она, устав, видимо, моргать.

– А у тебя есть лучшая кандидатура на роль моей жены? – улыбнулся я.

– Нет, лучшей кандидатуры на роль твоей жены у меня нет, – ответила она серьезно. – И когда мы поженимся, Тим?

– Когда выправим тебе новые документы, – пояснил я. – Но репетицию брачной ночи мы можем провести и без официальной регистрации брака.

– Ну, разве что репетицию... – сказала Агнешка, потупив взор и изо всех сил сдерживая улыбку.

В этот момент она была восхитительно молода и прекрасна.

Глава двадцать первая

Утром на повел ее на пляж. Она долго не хотела вылезать из постели, бормоча что-то на своем тарабарском языке, пока я за ноги не стащил ее на пол. Аги визжала и брыкалась, но я все же взял ее на руки и отнес в ванную, где быстро привел в чувство, направив на нее холодную воду. Визга поначалу прибавилось, однако затем я пустил теплую воду, и скандалистка моя утихла, согласившись, правда, принимать душ только со мной в качестве моральной опоры. Держалась, однако, она за вполне материальный поручень, к которому привязалась еще во время ночных бдений...

...Когда я снял с нее халат и начал целовать белевшую в фиолетовых сумерках грудь, Агнешка снова принялась ворковать. Только в отличие от давних наших объятий, она не отстранялась от меня – напротив, прижималась, и руки ее не носились судорожно по моему телу, а почти тут же нашли, к чему приложиться, и уж более не отпускали, покуда я силой не отобрал, потому что пришло время использовать *это* по прямому назначению.

Лидия ошибалась, решив, что Агнешка будет извиваться, кричать и царапаться подо мной. Более тихого, сговорчивого и нежного создания я ранее никогда не встречал. Она лишь постанывала, глядя на меня широко раскрытыми, испуганными глазами, будто ожидала боли и страданий. Я шептал ей какие-то ласковые слова, но не был уверен, что она их слышит.

В какой-то момент, когда она поняла, что бояться уже нечего, она нашла мою руку на своей груди и попыталась передвинуть к себе на шею, жалобно глядя на меня, но я не стал перечить ей словами, а лишь энергичнее задвигался, и вскоре она забыла и о моей руке, и о своей шее, и вообще обо всем на свете...

Лежа потом на спине и слушая, как работает в груди отбойный молоток, я смотрел на Агнешку, которая все еще прерывисто дышала, издавая порой негромкие стоны, и думал, что лучшей картины, чем эта, нет и быть не может. Совсем недавно, наслаждаясь переключкой Коулмена Хокинса и Роя Элдриджа в «Time in my hands», я мечтал о том, как было бы здорово, если бы время действительно оказалось в моих руках. Теперь мои мечтания сбылись. Я заставил время остановиться, сохранив и вернув из небытия свою юную возлюбленную, которая лежала навзничь рядом, потихоньку успокаиваясь, и которая представить не могла, *о т к у д а* ее вернула моя любовь, да простит меня профессор Перчатников вместе с десятком ученых мужей и одним Нобелевским лауреатом!

Поначалу Аги наотрез отказалась идти на пляж, сославшись на отсутствие купальника. Тогда я напомнил ей, что были времена, когда это обстоятельство ее совсем не смущало. В ответ она запустила в меня шкуркой от банана, и мне в свою очередь пришлось сообщить ей доверительно, что дурная привычка бросать в людей банановые очистки идет от обезьян, на одну из которых она теперь очень даже похожа. Сторговались мы на том, что я куплю ей самый лучший купальник, помогу его сначала надеть, а потом снять и в качестве дополнительной нагрузки слижу с ее пузика граммов сто мороженого. В принципе меня все здесь устраивало, кроме последнего пункта.

– Знаешь, радость моя, – сказал я, – в одной любопытной книге герой, по-видимому, алкоголик, дошел до того, что пил коньяк из пупка своей любовницы. Мне бы лучше выпить, чем есть эту сладенькую гадость.

– Молодец, – похвалила она меня за любовь к чтению. – Значит, сначала выпьешь, а потом закусишь мороженым. Главное, все в одном месте, не надо никуда ходить.

Я поупирался для вида, но в конце концов сдался.

На поиски купальника мы потратили не меньше часа. Аги оказалась той еще привередой, и в результате выбрала самый дурацкий из всех, к тому же самый дорогой. Я спросил,

надо ли мне идти с ней в кабинку, чтобы помочь надеть его, и она вместо ответа вновь произнесла это свое неподражаемое «уф!».

Мы расположились под большим зонтом у самой воды и сразу же пошли купаться. Агнешка по старой памяти забралась мне на плечи и велела идти к буйкам, где я скинул ее и, нырнув, проплыл мимо нее под водой, ущипнув за попку. Она завопила так, что, видимо, разбудила двух спасателей, мирно дремавших в тенечке под зеленым флагом. Поплавав за буйками, мы вернулись под зонт, и тут я увидел Бригитту, которая сидела невдалеке и, вероятно, все это время следила за нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.